

многую инокемство государства и имя Языковъ, соеди-
 нившии крайнее знание то, что произвели древней вре-
 мена и новыя, посредствомъ иммиграции сражи срод, на
 ходу, добродетель и логика въ посыле, въ нурембергъ,
 какъ подъ кровлею озерескима непаровъ; поблагодарил
 и образцы вестей, кто были и кто шибера генер, масфера
 писаря соперы; первый, кто осмыслился на нильвейской
 земли боролся съ генеромъ Шампера и Данца; вѣдно
 время дворянъ и образцы правды, — неизвѣстно, какъ
 его называю уша будущности, но это поколение знала
 его подъ именемъ Августа Вилгельма Шлегеля.

Врядъ ли какой нибудь писатель дойдетъ до такого ко-
 лоссальнаго самообожанія, какъ орош сарика, погрѣсившии
 своимъ сталовурьимъ парикомъ и говорившии Каролинею
 небрежнаго языка: „удивительно, какъ быстро растутъ
 мои волосы, онаже придеетъ скоро озоритъ мѣсь!“ Орош
 слишкомъ тщеславный, но уша не какъ учреждаетъ
 новую школу, уверяя жать мѣ, въ Боннѣ, 12 мая 1845 г.

Августъ Вилгельмъ Шлегель занимался уже рано
 юридическо. По содвѣстной иммиграции, онъ во время
 своего студентства занялся Данца и приговорилъ
 огенъ Лоранцо сражи о мѣсь; въ ней онъ не соно,
 сраблелъ Данца съ Токеромъ или Виргиліемъ, не
 судитъ его съ точки зрѣнія современной лингвистики, а
 вполне основательно доказываетъ, что для вѣрнаго
 пониманія его, надо войти въ духъ его сражи и его
 времени. Какъ уже знаемъ, онъ попытался эту свою
 сражи о Данца въ журналѣ „Flora“ и, по предло-
 жению Шмидера, посколько огенъ удачнога баллада.
 Конечно, Августъ Шлегель былъ писателемъ зворесства,

У напр., „Ation“, „Pudation“, „Din Dantimny“ — „Ation“ въ 1798 г.
 въ Альманахѣ нуръ (изданномъ Шамперомъ).

но онъ обладалъ замечательного способностью къ по-
 драматизму, и его баллада при первомъ взгляде имения
 не уступала Шмиллеровымъ. ✕

Во все время онъ увлекался прозою Шмиллера,
 изучая его Тридцатилетнюю войну; и совершенно
 въ его духе написалъ полуповести, полубюрографичес-
 кую историю Испаніи. Въ духе Эсхилескиихъ сраженій
 Шмиллера онъ написалъ и напечаталъ въ „Когенъ риде“
 письмо „о поэзии, какъ искусство слога и языка“; но
 во время этой работы онъ ясно сознавалъ, что философи-
 ская спекуляція не его дело, что онъ бьется на
 своей почве только тогда, когда изучаетъ извѣстнаго
 поэта, и обратился къ Шекспиру, съ которымъ онъ
 былъ знакомъ еще съ дѣтства (его дѣдѣ первый подвѣлъ
 зналъ Шекспира въ Германіи) и Сонъ въ лѣтнюю ночь
 онъ переводилъ еще въ Берлинѣ, выказавъ съ Гюггеромъ,
 но тогда онъ слишкомъ поддался Гюггеру, который
 позволялъ себѣ представлять Шекспира александрийскимъ
 стилемъ и исправлялъ его прозиски. Теперь Шлегель
 зналъ, какъ слѣдуетъ переводить Шекспира, и высказалъ
 это въ своей сраженіи въ 1796 г. по поводу Вилгельма
Мейстера. Въ 1797 г. онъ напечаталъ свой разборъ
 „Ромео и Юлія“ къ которому была возбуждены замѣ-
 чанія романомъ Теге; его разборъ — не кризиса, а апо-
 логія и толкованіе, освѣщающее извѣстныя строеніе
 пьесы, который должны подготавить къ эсхилескому
 наслажденію и усвоенію пьесы. Еще прежде этого онъ
 перевелъ Ромео и представилъ свой переводъ Лотской
 ночи; теперь онъ взялся за другія пьесы, въ 1797 по
 1801 г. вышло 8 томовъ этого образцоваго перевода,

который и до сего пор не утратил своего значения
в Германии.

Авт. Вильг. Шлегель, какъ известно, научился лично
у самого Гюгера суровой поэтической формѣ, но мало-
по-малу освободился отъ его способа перевода, подошедшаго
на перелицовку, чтобы гораздо болѣе въ смыслѣ Гердера
соединить съ самой ризаринской передачей оригинала
вполнѣ итальянскій духъ, свободное реченіе рочи, цѣлыя,
почти срывъ и чистое поэтическое дѣйствіе. Переводы
Шекспира Виланда были дополнены Эммендургомъ и
Эдльманъ зогне. Но какъ возможно было засрабизъ
говорить Шекспира все время прозой? Авт. В. Шлегель
въ 1798-1801 и позовъ въ 1810, впервые прилькнувъ
къ мезенадзари писать Шекспира всею новыми чѣстками
итальянскаго языка и метрики, которые идуща отъ пер.
Вильг. Ямбическія пѣсье Тѣзе. Малого мотъ послѣ
того, какъ Тѣзевскій Вильг. Мейндеръ такъ провинциально
и подробно говорилъ о Тамлеге, явился передъ публи.
кой патетскій Шекспиръ во всемъ его классическомъ
образѣ. Здѣсь было провинциально превзойдено то, что
прося Эдльманъ для Тамера. Шекспиръ Шлегеля, при
всемъ оумнѣи подражаніи и зворнесува, но со всей бл.,
засрабизо совершенесува съ совершенесуванъ, срава кено,
срабизува на ряду съ зыми произведеніями, которыми
Тѣзе и Шиллеръ одарили итальянскую литературу во время
тѣхъ общихъ дѣйствительности. Съ равномъ или приближна.
ощущенъ къ этому совершенесуванъ А. В. Шлегель до.
сравнилъ итальянскую литературу образцы греческой,
испанской и португальской поэзіи (Веймари, *Wissenschaft
italienischer, spanischer und portugiesischer Poesie*. Berlin 1804) и

называла зрими много подразнаменей, како Триса дна
Массо, Аривера и Камбурона, Каннегисеръ, Штрехфурца
 и король Йоганнъ Саксонскій гдѣ Дангѣ, Вилле и
Зонсгау гдѣ Боскавио и Сервантеса, а во зо сие время
 не законченый Шекспиръ возбуждала въ доломенио
 и соревнованио, и великие древние позадочно находили
 себѣ поводъ обрадоуки. Не вѣтъ елиодовали принципалны
Шлегель; зовско немкое попали на зонкуто среднорого
 линио между вторносерго оригиналу и вторносербо
 закону озереувенного языка и сфорими. (Напр., передача
Тубингенского Делмлова, Малемюкса и Плазона
Шлейерманера озештоуедъ въ высокой степени первичны
 нур зрими качесубѣ, но часо пренебрегатель взорвими).
 Переводное искусство А. В. Шлегель основывалое зрѣско
 зие на филологическѣ зогности, сколко и на поэтикѣ,
 ской самоходзельности, зрѣско зие на широкѣ мѣ,
 зараурнѣ и интересѣ, сколко на самѣтъ высокѣтъ
 показидѣ о итальянскѣ поэзи. Зо содервенный еси.
 доворенѣ издакѣ въ 1800 — 1854 („Gebirg“ Tübingen 1800
 — Berlin 1854); въ 1803г. оны написала драму „Ром“,
 неудачно како по содерваню, тако по изломеню.
 Въ обшачѣ издакѣ его элейдъ „Римъ“ („Rom“, арот.
Berlin 1805).

Въ соотозѣ друзей А. В. Шлегель бѣлъ по ирешчу.
 щесубу кризискомѣ, выказалъ даръ проинизательной
 хараузериски на современнѣтъ и сзавѣтъ, на сзѣ,
 чеувеннѣтъ и иносхраннѣтъ писателѣтъ. Вѣтъ при
 содѣйсзвѣи явоеи зиеио, Кароллина, оны съ несобикто,
 венной этергѣи приидѣтъ за рецензию, первое
 подвергшееся разбору Шлегель сочинение Тѣре бѣла

драма „Шоркваро Массо“; здесь Шлегель еще не устал, казался до основания своимъ поэтомъ, а напротивъ, наряду съ похвалами, высказалъ нѣскольکو раздѣльчатъ замѣчаний. Позднѣе однако онъ совершенно измѣнилъ свои сужденія сурденія о немъ и подвергнулся заглаву разбору „Тилексиль Элеий“ и „Германя и дорожей“ уже допустить одного похвалого и удивленія къ автору. Вознося Гете и романтическую поэзію, онъ сталъ холодно отзываться о Шиллере и даже дошелъ до крайнихъ раздѣльчатъ о немъ мыслей. — Въ Паризѣ намѣчалъ Шлегель сравненіе „Фредри“ Эврипида съ „Фредрой“ Расина и заключилъ въилъ уродливо одобреніе французскаго ученія. Въ 1811 г. вышло полное собраніе его сочиненій, и въ то же время напечатаны онъ свои изслѣдованія о „Кибелюплатъ“. Самое замѣчательное сочиненіе Шлегеля по части критики, „Изслѣдованіе о драматическомъ искусствѣ и мизерапурѣ“ (Never drama, 4. pp. Rinf und Littaratur). Въ лекціи о драматическомъ искусствѣ и мизерапурѣ, которыя появились между 1809 и 1811 годами, показывается онъ съ наилучшей стороны. Въ основѣ тѣхъ проведено сравненіе между древне-классической и современной романтической поэзіей. Оздѣль, посвященный разборъ драмы греческой, испанской и англійской, особенно замѣчательны. Сурденія Шлегеля о Шекспирѣ принадлежать къ лучшимъ возрѣтіймъ на великаго драматурга. Главное удареніе справедливо сдѣлано было на грекавъ и римлянавъ. Но патристическое возбуденіе обсервило оппозицію прозивъ французовъ; и когда Шлегель взнесъ въ зловъ случаѣ за политическое перо Лессинга, то онъ

все-таки не дозволено бы была упреждать его прозывъ
 Кюбнера. — Сочиненій А. В. Шлегеля о пластическихъ
 искусствахъ многого въ немъ самостоятельнаго цѣнны.
 Къ нимъ принадлежатъ, Объ отношеніи искусства
 къ природѣ, Письма къ Гёте о Людовикахъ, свилу,
 мѣло въ Римѣ, отрывки, О каррикатурахъ и др.

А. В. Шлегель въ высшей степени обладалъ талан.
 зовъ усвоивать и перерабатывать иногда чужие оригиналы,
 на чужую идею. Это извѣстные переводы Шекспира,
 Кальдерона, Данта и Пэтерраки исполнены превосходно.
 Въ переводахъ Шлегель сохранялъ вторичную форму
 оригинала, и обогатилъ нѣмецкую литературу мно-
 гочисленными новыми формами и оборотами. Поэтому за-
 слуги его по обработкѣ языка очень велики. Въ
 чуждыхъ передачахъ не только национальная особенность
 поэтовъ, которыхъ переводилъ, но приспособилъ мно-
 гие изъ нихъ обороты къ нѣмецкому языку. Это
 касаясь оригинальныхъ сочиненій Шлегеля, то само,
сроднительное знаніе поэты придаеъ зѣмско его бал,
 лады и романсы. Они отличаются закончен-
 ностью и красотой формы, при недостаткѣ выразит-
 ности содержания. Поэтическая фантазія Шлегеля блѣд-
 на и лишена чужезв. Лучшими изъ его произведе-
 ній слѣдуетъ признавать, Вечернюю повесть и орфо-
 збореніе, На гусидини, такъ какъ основная мысль
 ихъ чрезвычайно проста. Но едва Шлегель браделъ
 изобразительный глубокій, поэтическая чужезв, какъ въ
Мелодіяхъ жизни, орфы его оказывались слабы-
 ми, изысканными и сложными. Это Элеия, Римъ,
 поретосица во времена древняго міра. Къ юнымъ

литературы Шлегель с особенными ценностями занял, сформулировал и привнес в немецкую поэзию современности. Его сочинения в зрелом роде, написанные на библейские поэмы, отличаясь прозой и суровостью формы. Не менее искусно подражал он германскому Данте. Шлегель оставил также следы в литературе, как поэмизм и как кризис. Мы уже коснулись его рецензий, которыми наслаждались больше 200. Эти рецензии возмущали вкуса немецкой публики, обидели ее немецки и иностранцы в классе, и вобрали принципы новой школы. Для него, как и для Теге, красота на первом месте; мораль, эстетика — на втором; второстепеннейшие, земные — одно из условий, но не основное поэзии; копирование жизни не есть искусство. Несмотря на это, следуют последние оцарки логико-классической школы и моралистов-философов, в раде Коцебу и Мерлянда, они все выше и выше сравнивают французскую и принципы свободы в искусстве и жизни образцы сближая с Тиком, о короле раде Бюхера вно, следствии.

Ни Авг. Шлегель, ни Тик не могли создать теории, так как не обладали философскими талантами. Эту задачу выполнил младший брат Августа, Фридрих, род. в Тамберге в 1772 г., следовательно, был моложе брата на 5 лет. Редким он показывал скрытый, замкнутый в себе и ртомизмский характер. Впервые он готовился к занятию коммерцией, но в 1794 г. охоту отъезду в Берлин и вернулся

1772—1829.

въ университету: потахалъ въ Гейзингеовъ и началъ за-
 ниматься подъ руководствомъ брата; родители направили
 его на юридическій факультетъ, но примѣръ брата увлекъ
 его къ закладкамъ филологическаго характера; когда брата
 его утакала въ Томландию, фр. Шлегель перешелъ въ
 Лейпцигу, гдѣ, какъ и въ Гейзингеовъ, любимыми пред-
 метами его закладки были: Платонъ, греческіе драматиски
 и Вилкель. каковъ! Въ это время онъ ищетъ идеала, хочетъ
 оудаться чему-нибудь одному, но оудается вполнѣ и
 безповоротно; о себѣ онъ ослѣ высокого интеллигентна и
 презираетъ обыкновенныхъ людей, толпу, ходъ, какъ
 челоукаки самолюбивый, ослѣ дорожитъ ея интеллигент-
 ности, ослѣ пренебрежительно относился къ боже,
 оубу, а врасидебно; онъ стремился самъ оудать божеоубовна.
 Молодое о сердце давило его самого: онъ желалъ бы
 любить, но не могъ. Чтобы оубавить оудъ самого себя,
 онъ ищетъ забвенія въ кузешахъ и изурнахъ; кузеша
 заблекли его въ дамки, и онъ просидѣлъ брата наизу оубу
 много домашняго учителя. Но здешнее душевное и
 матеріальное созавніе не вѣдало еяу работы много
 и ея пользона: онъ изучилъ Кавофа, Синтозу, Тордера;
 занимался физиологіей, математикой, психологіей, поэзіей,
 ескими науками, считалъ за велики литературными
 новосудами, и результаты вѣнны его разнообразивъ
 закладки ооромо укладывался въ голову его. Въ 1793г.
 призванъ на время изъ Томландіи въ Шлегель,
 чтобы оудрощъ дало своей будущей супруги Каролинны,
 козорой замужаласъ въ довольно непріятно и скандально,
 изъ озорно. Онъ освободилъ се изъ зорна, поселилъ

1) Это перетиска съ братами за это время - главный источникъ
 для его біографіи и психологіи душевнаго развития.

по близости оу лейпцига и поручилъ ея заботамъ
 брата, дѣла котораго заглавье привелъ въ некогорой по-
 рядокъ. Свободное Каролина глубоко чувствованіа кра-
 соты поэзіи и ея революционныи энтузіазмъ благоговисно
 поддѣлывали на Фрадриха. Подъ ея вліяніемъ оуверъ,
 шиль вздръ себя въ руки, навсегда порвалъ съ юриспруден-
 денціей и усременилъ все свои силы на изученіе древности.
 Скоро оуе рѣшилъ покончить и съ университетомъ, учась
 въ лейпцигскомъ университетѣ оуе получилъ дипломъ
 доктора философіи. Занимается заглавье филологіей, оуе скоро
 и въ этой отрасли знаній сталъ однимъ изъ передовыхъ
 ученыхъ своего времени, посвятивъ себя преимущественно
 изученію греческой и римской литературы. Показавъ Фрадръ-
 Шлегель переехалъ въ Дрезденъ, гдѣ жила его сестра.
 Въ Дрезденской галлерей оуе нашелъ своихъ боговъ:
 оуе позналъ прекрасное не въ ~~идеи~~ идее, а на дѣлѣ.
 Образъ жизни его радикально измѣнился: оуе не по-
 стыжало общество и увеселеніи и работалъ усиленно.
 Вскорѣ по приѣздѣ въ Дрезденъ оуе сблизился съ
 Вилгелмовъ Тумболдсомъ и съ Шмиллеромъ (черезъ Кёркера).
 у Шмиллера и Фр. Шлегель было много писателей софис-
 тическис и обшая наклонность къ философской
 спекуляціи. Въ 1796 г. Фр. Шлегель переехалъ изъ
 Дрездена въ Вену къ брату, между прочимъ, чтобы вѣсти
 въ посредничествѣ сношенія съ Шмиллеромъ, работа для его
 „Новей“ и познакомиться съ Тѣе. Братья Шлегели и Шмил-
 леръ скоро разошлись и довольно резко. Крайности
 воззрѣній младшаго Шлегеля и его самолюбивіе не
 нравились Шмиллеру. Въ июль 1797 г. Фр. Шлегель перее-
 шелъ въ Берлинъ, чтобы быть ближе къ журналу Рейхардта

"Лицей издвигивать искусство", въ которомъ она обѣщала
создательницѣ. Берлинъ былъ единственнѣйшій прусскій
городъ, въ которомъ существовали литературные салоны;
узнавали ихъ не арнезюкрашки, какъ въ старой Фран-
ции, а образованный еврейки, жены банкировъ. Фр.
Шлегель, молодой и смѣлѣйшій литераторъ, уже представивъ
переломить концы въ борьбѣ съ Шмиллеромъ, былъ при-
надлежъ въ числѣ съ болшими почетомъ. X

Въ одно время изъ берлинскихъ салоновъ Фр. Шлегель
вернулся съ молодой догословной, только годъ назадъ
получившимъ мнѣзо проповѣдника въ Шаритѣ; это былъ
Фр. Шлейермахеръ (1768-1834), скромный, но вѣдущій
двѣдлъ въ негорн прусской литературы и науки. По-
лучивъ (въ 1796.) мнѣзо въ Берлинъ, онъ за свой талантъ
и оладу неумѣя былъ очень хорошо принятъ въ лучшие
салоны. Эта же оладу неумѣя сблизила его съ Фр.
Шлегелемъ, который поразила его своего смѣлостью, ори-
гинальностью и трудолюбивѣйш. Шлейермахеръ понравился
Шлегелю своего мягкостью, зернимостью и раздумьемъ
своей религии. Скоро они сблизились настолько, что
поселились въ одной квартирѣ. Приязель и приязель,
ниже ихъ оурили, что они везунили мнѣзу собою въ
братъ, пригласить задорный Шлегель проделавилъ мнѣзу,
а Шлейермахеръ - крозую этому, которая однако же
во мнѣзу ознакомила могла подкинуть мнѣзу своему
вѣдѣнн. Шлейермахеръ мало интересовался поэзій,
Шлегель до сихъ поръ почти не думалъ о религии; но
они сошлись на философию. Въ Берлинѣ Фр. Шлегель
познакомился и съ Дорозей Фрейзъ (Veit), которая зна,
мнѣзуго Моисея Менделсона, которая ввѣдѣнн

разбегаясь с музыкой и переехала к Фр. Шлегелю; скоро они вместе переселились в Вену.

На самой границе нового эголизма чужь не весь круг, но вь урезветной силе Борканин сосредоточилась вь Веймарь и Гетте. Фетте и Шмиллерь могли едновременно видеть Фрихте (1762-1814), Шеллинг (1775-1854), обоимъ Шлегелемъ съ нѣмъ „дамами“; Шлейермахерь и Шликъ были съ Феттой вь непрерывной епомешань. Все романтики усердно работали и продуцировали. Только Фр. Шлегель, нахо, дивший мало связи своимъ рождениемъ скардья, зани, малей главнѣишь образомъ тменямъ. Когда Фрихте и, шилей кадры по доносу вь афеузья, Фр. Шлегель по, дань диссерзацію про велиа легенди на кафедрѣ философии. На дискуръ (1801г.) произошелъ скандалъ: однимъ изъ отно, кензовъ продуцировалъ трагедіумъ еотисимъ Lucinda; ас, пиратъ озвѣчалъ дерзостью; декабрь едва ценнымъ законъ, чужь дискуръ. Шмилля не менше Фр. Шлегель получилъ приватъ-доцензуръ; на первыхъ лекціяхъ у него собиралась масса слушателей, но позолю его аудиторія пугнула все болше и болше: онъ довелъ идеализмъ Фрихте до миезаизма, мало кому похвазнаго; къ концу семестра онъ убедился вь полной неудачѣ своей и бросилъ кафедру, на которой онъ никакъ не могъ соперничать съ Шеллингомъ. Въ 1802 г. Фр. Шлегель уехалъ вь Карлсруе съ болшимъ ценъ, холмъ лекцій философии; тамъ же онъ и выучился санскризскойу азбуку, которой онъ ввѣль впоследствии вь Германію. Позомъ (въ Кельнѣ вь 1802 г.) онъ перешелъ вь каролингеру вѣтвь съ своей вѣной, за что, благодаря вливію Мюллера, получилъ место секретаря вь гоу, дарезветной австрийской канцеляріи. Во время войны

сь Наполеоном, Шлегель находится в главной квартире
 эрцгерцога Карла (в 1809 г.), писал пламенный про-
 кланский к народу, именованной большой устной. В 1810 г.
 оны жилы в Вена, в 1815 г. были австрийскими
 полагательными совозрастными во Франкфурте, поехали
 в Рим, где оны получили орден Креста (от того
 времени фронт-Шлегель), поехали опять в Вена, в
 конце 1828 года в Дрезден, где и умерь в следую-
 щем 1829 г.

Обладая больше поэтическими талантами, чем сфари-
 мий ^{ово} (Браун, Фридрих Шлегель не меньше известна
 публицистской деятельностью. Если в обобщить иль дру-
 дасть задача разрешить сфарий ворований исполнения
 была преимущественно Августов Шлегель, то труд
 построй и формулировать навад возрания догматед
 на доило его младшего брата, Фридриха. Фр. Шлегель
 был по преимуществу зоречивый этой сфарией романтической,
 ситый и парадоксальный до безразудева и безуду,
 поези, но в высшей степени разносторонний и возбужда-
 ющий. В 1794 г. оны напечатал свой первый труд:
 „Смислель в греческой поэзии“, в котором уже
 давно вызывала немецкий ученый Гердер, убедитель-
 ный, что греческую литературу можно и должно по-
 строить от закона не исторической логики, как это Вик-
 кельманов положили в основу греческого искусства.
 Фр. Шлегель, сильно подчиняется Вилкельману, видя
 в Греции 4 школы: Фоническую, в которой господствует
 опись, воспроизведение действительности; догматическую —
 в ней лирика, соединение действительности и идеала;
Антикскую — в ней драма, воспроизведение идеала (она

гоме дошедшая на 4 подшивки), и Александрійскую -
 въ ней реорлекса, нецусеуеиноее и, сгало буре, надеие
 нецусеуа. Эга монографид шила большой четиоа, такне какъ Мезорисское

Шакииъ самолюбиваиъ и многодумачаиъ любилъ,
 какъ фр. Шлегель, зрудно биваетъ какае миферазурную
 дндремноее; но разоъ веунивиши на эту арену, они екре,
 инадеъ высказателъ вполнѣ и силнозе своимъ сгаради.
 За „миколаи“ поелтаовалъ эскизе о греческой комедии,
 позоиъ „в границахъ прекраснаго“ и з. д. Все это бвилм
 подготовительная работа къ его „Мезорин поэзи Гре-
ковъ и Риндидио“, 1-е издание 1-го тома козороу бвилмо
 въ 1798г., а продолжение такъ и оегаоет за фр. Шлегелью.
 Глубокий научный познаний авторъ разевтаиъ во веаеа
 зривъ зрудноа, и коза соберевенноеа его сгандиъ чаето оу,
 микаоудеа одностороиноее, но неаеаоаоуеа згоу выку,
 наеуеа депоеуеа излоиеиъ предноа и обилеиъ фактоа.

Благодаря зривъ сгаради и книнеа, фр. Шлегель не заноко
 заидлъ навегда видное мнере во мезорин классициекой
 филологии и вообще во мезорин науки, но и приобриаъ
 извоезноее какъ галантурливый критикуъ - мислиаеа и
 георегииъ нецусеуа. Безъ большой четиоа ариадури, силото
 своего дарованиъ и философеки воспитанной мисли онъ
 униотоишиъ много цогарониъ взглядоа, козорои оука,
 коине проноаиваиелъ еа универсиреуекиа каеаеа; онъ
 доказалъ позднийшеа проиехоидение орфичееской поэзи,
 роуко оудилишиъ Гомера оу Гоэода и выаеишиъ неакоако
 ваиииъа законоа эеуеуееской кулчури; онъ обидишиъ,
 еа греческую поэзию еа динизио и правезеиноееуа Гре-
 коуеа, коимензируеуа еа мезорино череа мезорино греческой
 цивилизации. Впервое подъ его пераиъ мезорид миферазури

Мезорисское
обоззрение
греческой и
римской
эпической поэ-
зии
Гришеи ? Роме
1797.

1) Die Griech. des Jambus etc. Göttingen und Romm 1798.

2) Онъ первый своимъ сгаради онъ говориа о миконъ Гомера, но какъ
 заноко бвилм знаменитый Володотанъ Волоаа, онъ сейчае зие наеишиъ
 на его сгороу.

изъ сбора фактовъ и примечаній къ писателямъ стала
 дѣлаться наукой. Древніе греки въ его глазахъ — идеаль-
 ныя люди; Эллинизмы — символы челоночности.
 Отъ озоидсеувидаеъ эсерекику съ эзикаю, прекрасное съ
 крашеуветными и закими образы снгомо и определеменно
 высравидаеъ принципъ, къ козорому Тѣзе и Шиллеръ въ
 пору своей совѣтсезной дѣятельности только подходили
 съ разными сторонами. Первые опыты фр. Шлегеля проник-
 нуръ въ греческую поэзію основывалась на образцы
 Вилкельмаха, но, можеха быть, отраеи на взглядѣ
 Тумболсада. Задача оныхъ данъ новія возбудеиія къ
 изученію средневекового искусства и поддерживали
 браеуеъ Буассере¹⁾ въ идѣ ^{художественной} предпріятія. (Обращенная
 температура приближаеъ все болше и болше его вниманію;
 въ общахъ оныхъ объ ней невисокаго мнѣнія: но его
 возбудеиію, новад поэзія еущеуветно озлигаеъ отъ
 греческой дѣлы, что послѣдняя объективна, а первая
 сзрениеуеъ къ моблизной и индереенности. Но теиеръ въ
 лица Тѣзе совершаеъ поворота къ объективности,
 и поэзія будущаго, козорад соединяеъ индереенность
 съ объективностью, должна быть еще величественнаеъ
 греческой. Въ Шиллеръ Шлегель признаеъ большою
 галатю, но, ехесеуветно (съ точки зрѣнія своей теоріи)
 ставиуеъ его гораздо ниже Тѣзе.

Младъ доказатъ безпристраеіе своей критики и
 свое безеураиіе передъ авторитетами, фр. Шлегель на,
 писаль довольно подкій разборъ послѣдней книжики
 „Алманахаъ Музы“, въ козорому позволѣеъ себѣ гнраеъ
 правоученія Шиллеру; въ другой замѣчаніе оныхъ на,
 малъ на издачаеъ „Котен“ (куда же была приаеа огна

¹⁾ Sulzer Boisssetée 1783-1854; Melchior Boiss. 1786-1857.

²⁾ въ собраніи картинъ сзаро-нѣмецкой школы.

„Назавъ мудрѣи“, лексиконъ не имѣлъ бы права на имя въ исторіи немецкой поэзіи, но и „Назавъ мудрѣи“ сама критическая статья прозаикъ Тейца, только облеченная въ поэтическую форму.

Фр. Шлегель еще со времени студенчества хорошо зналъ Канта, но не вполне удовлетворялся имъ; уже первыя произведенія Фридриха привлекали его особенное вниманіе, и симпатію, въ его уясненіи оное увидѣть плодотворное развитіе и завершеніе идеализма Канта. Основною тезисъ Фридриха о производномъ положеніи самоозначенія существующаго „Я“ (Ich) не самоозначенію въ истинную міру, какъ разко отрицавшіи философерское преклоненіе передъ объективизмомъ и условіями, извѣстна на насъ наложившимъ, чрезвычайно ему поправшей именно своего разкоосерго. Они слодились и въ политическія убѣжденія, такъ какъ Фридрихъ былъ республиканецъ и глашатая свободы. Переселившись въ Зену, Фр. Шлегель познакомился съ Фридрихомъ, и личное знакомство, сильная, энергичная, пропитанная наставленію въ философию, спокойство, умѣренность, сии сдѣлала для него еще симпатичнѣе ученіе Фридриха. Оно казался всею это ученіе еще дальнѣе, хотѣлъ радоуаръ по философіи самоозначенно, но это плодотворно, валое ему: Фр. Шлегель былъ законно мало философовъ, какъ его сдѣлалъ братъ, Августъ, поэтъ, за-то оное было силно и вліятельно, какъ популяризаторъ идеальной философіи и ловкій защитникъ ея, сумѣвшій указать ей важное мѣсто въ вопросахъ искусства и правды. X

1) Род. 1762 г. въ верхнемъ Ланденѣ, учился въ Зенѣ и Лейпцигѣ богословію, но Шлегель привлкъ его къ философіи; въ 1792 г. отправился въ Кенигсбергъ къ Канту; съ 1794 г. былъ профессоромъ философіи въ Зенѣ.

Милль в Берлине, фр. Шлегель еще соединял заодно философию с поэзией, но уже замкнуто склонялся на сторону последней; в франкенбургской сражке, поэт, ставший в журнале „Лицей издающихся искусств“, он выражает свою эстетическую доктрину. В это время в новой литературе он признает 2-х великих поэтов: Данте, Шекспира и Гёте. По поводу недавно появившегося Вильгельма Мейстера он пишет очень гордую сражку, в которой называет эпоху романов поэтически максимумом и произведением, в высшей степени романтически. Этого же он дает определение эпохе формы, который дождь морь чахнет в узком и не всегда ясном значении.

Романтическое произведение есть последнее слово искусства, оно должно охватывать все содержание жизни. Романтическая поэзия должна не только соединить все разрозненные виды поэзии, но и объединить поэзию с философией. Она должна соединять прозу и поэзию, необузданную свободу фантазии и кристализацию, зворнецо искусственное — личное и естественное — на, родное, до стихивая иль механически, до слова иль, ически. Она должна сделать искусство шивильным и общечеловеческим, а жизнь и искусство — поэтически; она безконечна, потому что одна свободна; произвольна поэзия — ее единственный закон. Для романтического поэта может быть только одна философия — Фихте, так как по Фихте челоушеский дух все подчиняет себе, все зворить.

В это же время фр. Шлегель разрабатывает теорию, ически еще одним важным принципом школы — прочито,

через которую поэзия должна и поднимается до философии. Перва проия для него была соединением музыки и сары, знало, которое выдвигает разнородные следы 2-х родов мудрости: ширшейской и оублеченной (сократовская проия), депер ота, понимаея "глубже". Проя, какь необходи- мой интермедий романтической поэзии, сарь выражения проживотной между целованной и безцелованной. Фрр. Шлегель нестерно объясняет ее по Фрише: Я (Ich), вздрог философски, безконечно свободно и погружающе, а Я (Ich), сглатывающий обыкновенными целованной, слабо и никтошно; проявление этого проживотной между без- конечного свободного целованного духа и ограничен, коеря силы целованной и сарь романтической проия; св некто относительно связан и рефлекса: романтический поэзия одновременно и звонит, и сознаея, что она звонит, и даея это поняя и другим; она, скало-буря, пронизуея надь собото, пародируея самого себя; св дринь в связи парадоксальности, фрагментарности новой поэ- зии. Таким образом это поклонник Томера и Софокла дошел до поэзии, которую она сама называет трансцендентальной. X

Свои критические воззрения на греческую жизнь фр. Шлегель преимущественно выразил в романе Люцинда (Lucinde, 1799), в котором она, между проч- ими, высказывает личность теперь какь идеаль высшего развита и общечеловеческой образованности. Это не, большое произведение, не выдерживающее св художне, эстетичной стороны и самой слабой критики, каки, само св увеличенного небрежности, изображаея, св жизнь двух знаменитых любовников:

герой его Юлиць, молодой художникъ, работающій не для денегъ, а для славы, но вынужденному побужденію своей артистической натуре, послѣ долгаго ряда любовныхъ интригъ, соединяя наконецъ съ родеушевской еще казурой, Мюциндой, и живя иль делясь сарматично, какъ мнѣ, Бобная иль. Возникненіе ребенка, художественную карьеру котораго они опредѣляютъ заранее, даетъ имъ, гражданскія права въ государствѣ природы; о политическостяхъ и общественныхъ правахъ они, конечно, не заботы и думать. Этому роману были держимы про-, изведеніями философа Фрагмендуса Бухъ вѣжало Эмилекаго дарованія.

Мюцинда воплощаетъ нравственныя взгляды ро- мантчиковъ, выраженныя со всего размахомъ и необу- данностью, какими отличался ея авторъ. Практическая дѣятельность, стремленіе къ извѣстной цѣли — грядущую думу и уничтоженіе челоукаское доуруженіе., Криво, знаніе и польза — два ангела смерти съ огненными мечами, которые вновь проливаютъ въ рай". ^{Визитъ, Виситъ} Прозабаніе, соединенное съ эрехуевики на, слаженіемъ, есть самая полная жизнь. Право на бодуевию есть неограничъ принципъ неограничъ бла- горадева; это же право, которое отличаетъ избранныка отъ грубой формы. Философская мораль безнравственна; франшизой судьбы вносима могла во все самая свѣдѣя отношенія людей. Франкъ, какъ отъ практикующей въ Германіи, есть учрежденіе антиморальное; права ду- сна не имѣютъ никакого разумнаго основанія. Общи- ное представленіе о нравственности сводится къ ридіе, а ридіе есть прозидія на невинность безъ самой

невиновности. Ох землицы слодуче зредоварь протиде
всего души и искренности уверва, а не пошлой добро,
друзем, мерогниковои козорой слышнурь каще всего дру,
сосеь или шелание пошзоваварься драходани муша.

Этот небольшой романчик гитки больше скандализиро-
валъ общество, что не были предусмотрены вообразенія,
а изображали действительныя отношенія Дорожен
Фрейда къ автору, Фр. Шлегелю. Дороженъ была, какъ уже
знаемъ, дочь знаменитаго Моисея Менделсееона. Пре-,
красно образованная, шиваѣ, сужроушная, но далеко не
красавица, она была рано выдана за богатаго банкира
Фрейда, съ козорой у неѣ подумать не было ничего общаго.
У неѣ было уже двое друзей, и Дороженъ имѣла 32 года,
когда въ Берлинѣ подвиглся 25-лѣтній Фр. Шлегель.
Бдигество вкуса и сужреленій, независеь къ филлистер-
ской пошлости, одинаково сильное увлеченіе прекрас-
ной, быстро сблизили ихъ.

Вели романчик шокировалъ своими принципами замъ-
называемыхъ порядочныхъ людей, тѣхъ козорой ^{эраеи} ~~молодежи~~
онѣ правилея шкенко Эфили принципамъ; горшество
правъ природы и свобода охъ челоной морали давно
уже пошговлялись и пошдовалили Руссо, и двѣд.
Фелд. ии "бурного" періода; за эту мораль не могли
безумнрсея и кеймаресея корисреи; но за-то ^{и пригонно} шѣ швенно
вознужила "Моцинда" своей крайне кейхудоснесуевенной
сформой. Съ эрой шѣ зогки зрѣнїѣ осудили ее и Ав. Шле-
гель, зогда какъ Ковалесея были вознуженнѣ надѣтва,
Фелдсеховнѣ надѣ ишезизуудонѣ брапа. "Моцинда" на,
шла ^{содѣ} ~~шесиду~~ извѣстными иштераторами зѣлько одного
Энергичнаго зашнужника Шлейермакере, козорой селѣ

изъ стихотворений средневековых рыцарей. Друзья его про-
 зведения зрительно логично и узкоузко взгляда. Талант
 его "Искусствъ къ свободѣ" способна увлечь развѣ только
 непрерывнагого тоному, а сочиненія, посвященія религи-
 озный характеръ, совершенно невыносимы для раз-
 вѣзого человека. Подобно Брайу, Фр. Шлегель занимался
 съ поэзіею поэтичныхъ народовъ. Вліяніе эзотъ Шлегеля,
 зуръ преимущественно озражено въ его драмѣ "Аларъ",
коелъ ⁽¹⁸⁰²⁾ и поэзіе "Роландъ" ^(1706 и 1802 года). Въ трагедіи "Аларъ" (1802 г.)
 оны трикандеръ созвучіе, г.е. сходство звука гласныхъ
 буквъ, (Ассонансъ), также въ "Роландѣ", цѣлота роман-
 совъ. Индивидуальнъ взглядъ на стихотворенія Фр. Шлегель пере-
 неет и въ свои поэтическія произведенія. Шлегель-
 миринъ безспорно заслуживаетъ драматурга и романи-
 ста.

Во преклонныхъ годахъ Фр. Шлегель снова вернулся
 къ дѣлнмъ научнымъ занятиямъ, приелъ озава чуждъ
 лекціи о новой исторіи, о новой и древней литературѣ
 и издавалъ журналъ "Das deutsche Museum" ("Нѣмец-
 кій музей"). Оны написалъ исторію Орлеанской дѣвы
(Geschichte der Jungfrau von Orleans. 1802), исторію маргариты
франко-Валоа (Gesch. der Margarethe von Valois. 1803) и др.
 Римская церковь являлася у него идеаломъ обществен-
 наго чужраствѣ. Оны были очень склонены видѣть во
 всемо одну хорошую сторону, и эзотъ свойсвономъ ха-
 рактера обидѣлася его переходъ въ католицизмъ и
 увлеченіе Шлегельномъ. Его сочиненіе "О языкѣ и
мудрости индусовъ" ("Ueber Sprache und Weisheit der
Indier", 1808) протосило въ Германию изъ изученія
 Индіи и своимъ стилистикомъ, но поддмгавоушки гн,

поэтому подготовило более солидные труды сравни-
 тельного языкознания. В том же году он переехал
 в Кельн в католическое, и его лекции ^{в Кельне} об истории
«новой истории» (1812) дали об этом живое свиде-
 тельство. Последовавшим заглавие его чтений или лек-
 ций «Об истории древней и новой литературы» (Griff. im
alten im neuen Lateinisch), изданный в 1815 г., во мно-
 гом отношении превосходное сочинение, подверглось
 мерзвостному влдианию логичного взгляда на вещи, ко-
 рое было следствием перехода взгляда в католическое,
 это делало из книги памфлет против католичества,
 а не здоровое изложение задуманного предмета.
 Этот несчастный взгляд нашёл себя много далее
 в сочинении Шлегеля: «Языки и мудрости индий-
 цев», где, вопреки великой видимой возможности,
 Фр. Шлегель упрямося провести свои излюбленные
 идеи о папстве и римской церкви. Тонкая диа-
 лектика Фр. Шлегеля лучше всего выразилась в его
«Тамбиде (лекция) о новой истории», где он счита-
 ет искусственно подобранным и сгруппированным факты, оправды-
 вавшие усвоенные им взгляды. В своей «Филосо-
 фии истории» Фр. Шлегель выдвинул устанавишь и оправ-
 дал свои взгляды с философской точки зрения, при-
 чём вышло окончательно в софистику, выходя за,
 пределы того, что возможно оправдать.

Гораздо больше на своем языке были Фр. Шлегель
 в области критики и его сфера, написанный в зиму
 1801 г., «Разговоры о поэзии», показывает, как разви-
 лись его художественный и исторический кругозоры.
 Он доказывает в ней, что поэзия поэзии можно изучать
 («, Neben die kleine Geschichte»).
)

только в связи с теорией других искусств и вообще с теорией словесности. Это есть действительная наука, а не собрание фактов, организмы, из которого нельзя извлечь ни одного звена. Методическая теория поэзии одна может дать твердые основания для ее теории. Теперь во ее глазах средние века, — не века варварства, а эпоха, когда процветала высокая национальная эпоха культуры, производя безличное творчество, после него развиваясь творчество личное, которое достигло высшего развития в творчестве Шекспира и Сервантеса. Французский классицизм есть временное падение искусства. Возрождение поэзии и вообще искусства начинается с Виллельма и Жю. Классицизм поэзия была первоначально героической сагой, поэзия забавой рыцарей, заветом ремесленников, романов; теперь же она должна слиться с наукой, есть высоким искусством высокообразованного и одаренного творческой фантазией поэты. В этой же сфере Фр. Шлегель дает новое определение роману: роман — это предельно самобытное, полное (т.е. выходящее из области творчества) содержание в фантастической форме; под такое определение подходят и Сервантес, и Шекспир, и Пастернак, и Массо. Роману же по существу, а не по форме!

Меня обильно спрашивают Шлегелей на тему уже коснулся, но теперь о них много говорить не хочется, слово как о писателях (романистах).

1763—1809. а) Каролина Шлегель. Это одна из самых замечательных спонсоров романтической школы. Ее, как замечают

и другие сочинения Фр. Шлегеля на русский язык переведены: «Теория древней и новой литературы». Две части. Издание 2-ое 1834 г.

Грандеев, бѣвкнновенно называлось просто Каролиной не по тому, что у нея не было франц. им., а по тому, что у нея было *embarras de richesses* въ этомъ отношеніи, Каролина Николаевна, дочь извѣстнаго Берлинскаго богослова и ориенталиста, родилась въ 1763 г. и рано вышла замужъ за доктора медицины Гёмера въ Клаузенъ. Обвѣнчанъ, она въ 1792 г. поехала въ Веймаръ и жила тамъ въ домѣ Фробера, учившаго Гумбольдта въ Бернѣ съ нимъ кинулась она въ революціонный погонь, скомпрометировала себя и тѣсколско князю просидѣла въ тюрьмѣ, съесть съ нею въ одной комнатѣ помѣщаются еще 7 человекъ. Тамъ же безумна она въ связи съ однимъ французомъ, повидимому, болѣе съ оградилъ, несли изъ ублещенія. Позднѣе, когда она была женою Авг. Шлегеля, она, какъ уже знаешь, помогла ему въ сраженіи „В Ромео и Юлія“ и при ея содѣйствіи отъ написала свои многоименныя нѣтъ рецензій. Не только романтическія, но и Гете дорожила ея мнѣніемъ; только Шиллеръ не любилъ ея и называлъ ее: „дѣла Люцифера“. Въ послѣдствіи дочь ея, Августа Гёмеръ, оставила какое-то мѣсто, зурное имѣн., хотя умерла всего 15 лѣтъ отъ роду. У гроба дочери Каролина сомнамбула съ философомъ Шеллингомъ; нѣтъ даль ея разводъ, и она въ зрѣлѣи разѣ вышла замужъ, не похвѣвъ дружбы Авг. Шлегеля; но послѣ этого жила недолго — она умерла на туземствѣ (въ Штутгартѣ) въ 1809 г. Каролина была не только извѣстная, но и даме политическая дѣятельница, особенно же замѣтна, желѣны ея какъ по формѣ, такъ и по содержанию

образованной женщиной. (Caroline. Briefe etc., 1899. v.
J. Waitz, Leipzig, 1871).

1765-1839.

б) Дорожея Улссель родилась в Берлине в 1765 г. Ее отец был, как уже известно, доктором наук, денскому и она, получившая прекрасное образование, была рано выдана за богатого еврейского банкира Симона Фрейда и принадлежала в Берлине к кружку так называемых евреек (какая-то: Rachel Levi, по имени Vainhagen von Eins; Henriette Herz, урожденная de Lemos из Табура), которых почитали как знаменитый кружок гениев („Genieclub“) и были влиятельны в мусульманско-еврейской науке задающей, или хотя бы в эстетике кружка. Как придворная подруга (Фрун), она начала заниматься авторством и сперва написала много без имени изданный, неопределенный роман „Florentine“ (L. I. Lübeck и др. 1801). Это амальгамированное соединение Тизевского „Вильгельма Мейстера“ с романтическими идеями и доктринами, но не без порога духа и смелости, но с некоторыми юмористическими чертами прелесть и многогранного — трагический род. Позднее она (до рожд.), как уже известно, развелась с мужем и вышла замуж за Фр. Улссель, отправилась вместе с ним в Париж и оба переехали в Киль в казенное (в 1802). Она умерла во Фромсфурте на-крайне в 1839. Сочинения ее сочинены из данки под именем Фр. Улссель: „Griffel des Zeit“, Винт Мерли (Мерли народная-кондира-Мерли, 1804), „Lotos und Malven“ (1805) и переводы Коринты (Corinne) 2-м франко-Схавс (1807).

„Lotos und Malven“.

Первыми из старинных и более видных в свое время
сравнительно романских приобрели на литературном
поприще известность Шлик.

Йоханн-Людвиг Шлик (Тисек) родился в 1779. 1779 — 1853.
в Берлине. Отец был своим канцелярским мастером, но тело-
ботка его ^{Мелитта} до сих пор и (сильными характером; мать
его была очень добрая и короткая женщина. Людвиг (Шлик)
принадлежал к числу детей, рано развивающихся:
ч-ть мать его знала грамоты, а в 9 — поступил в
Фридрихсвердерскую гимназию. В Берлинских шко-
лах того времени безраздельно царил дух просвеще-
ния, и шло дело протекции молодые ученики по-
ти без исключения; они развили разум ребенка,
но не сумели привлечь его сердца. Первой шлик,
сильно подвигавший на Людвиг Шлика, были: Генрих
Фр. Берлинский Тисек, некогда писавший Мексикера
в итальянском переводе, Дово-Кристов и в особом,
позже Сградатия молодого Вердера. Немного позднее
прочел он Разбойников Шиллера и влюбился в
еще больше. Отец рано полюбил театр и еще охотнее
попал в дом канцелярмейстера Рейхардта, у которого
собирались артисты и некогда писатели. Они сблизили
любовников с артистами, в которых Шлик, обладав-
ший счастливо наружностью и артистическим
манером, играл не последние роли. В 1792 г. салон
Рейхардта подвергся полицейскому разгрому, так
как его хозяин обвинили в якобинстве, и Шлик
был предостережен обещанием своих товарищей и
учителей. Последние давно уже обратили на него
внимание, как на мальчика с редкими дарованиями.

журналь. заманчивы; правда, стихи его не были
 особенно складны и звучны, но за-то они писаны
 им с необыкновенною легкостью, быстрого разсуде-
 ний; они писаны на заданныхъ темахъ очень удачно
 разсказы. Скоро взялся онъ за драмы. Одно изъ пер-
 выхъ его произведенийъ въ этомъ родѣ называется:
 „Взглядъ на Сицилию“, — сюжетъ, когда съѣхало привлекав-
 ший итальянскую молодежь. Многъ университетъ своихъ Тимъ
 особенно сблизился съ Бернгарди, очень симпатич-
 ный молодой человекъ, который былъ всего на
 4 года старше Тимъ, и на свое горе, — съ Райндаловъ,
 который рѣшилъ съ своего педагогическаго дѣлъ,
 похотѣлъ имѣть еще другою — литературнаго подемъ,
 музыка и въ нее до извѣстной степени заданъ
 своего друга даровитаго ученика. Учене въ послѣднѣ
 годъ гимназическаго курса Тимъ часто сражалъ охъ
 безпредметной зоски, охъ безвѣрнѣ и недоуздка
 идеаловъ, и ему не разъ приходила мысль о само-
 убійствѣ. Университетъ (въ Галле), куда онъ похотѣлъ
 тинъ въ 1792 г., не произвелъ въ этомъ отношеніи
 перемѣны къ лучшему: ему показалось, что слушать
 въ немъ нечего, обычныя сурденскія увеселенія вовсе
 не привлекали его, и монахондрия овладѣла имъ съ
 недобрымъ еилою; подъ ея вѣнчаніемъ онъ протѣлъ,
 была надъ собою опасные экзерцименты, похотѣлъ;
 ему похотѣлъ была первая болѣзнь; одно время
 онъ даже былъ близокъ къ суицицидѣ. Но похотѣлъ
 тинъ и охотѣлъ охъ чтенія, которому онъ преда-
 вался запоемъ, помогли ему оправдаться. Пробывъ
 въ Галле нѣсколько года, Тимъ переехалъ въ Геймундъ,

генский университет, особенно славились тогда филологами. Но и Гёттингенский лекции на удивле- зворили его, и они работали одним, в своей студен- ской комнате. Учился в гимназии очень выучился по- рядочно по-английски; теперь они играли в подлин- ники не только Шекспира, но и другие английские драматургов шекспировской эпохи, о которых и в самой Англии в то время мало кто имел понятие; они выучились по-немецки, чтобы читать Серван- теса, и занимался отдаленно своим преида начальной произведений и обдумывал новь. Въ Гёттингене, как и въ Гамле, Шлик был одинок: единствен- ным знакомым ему случила переписка с его другом по гимназии — Ваккенродером, о котором стал думать впоследствии. Когда Ваккенродер от- правился въ Эрлангенский университет, тогда Шлик посетил перед собой за ним руда сие. Друга в то, сие изучали поэзию Германю, в которой все время находил на суровой протестантский Берлин; они видели во всей красоте каменное богослужение, бродили по Ниренбергу, изучая во-очью средние века, осматривали рыцарские замки. На старую семью они перебрались въ Гёттинген, где Шлик по-преи, между мало поставил лекции и много работали над Шекспиром и его эпохой и переделяли „Турно“ (сказки) для немецкой сцены. Въ 1794 г. Шлик выехал с Ваккенродером вернуться въ Берлин, как доктор философии, и задумал сию литературу Фру- гома; сию экономию он поселился на долге. Позже он сию в Гамбург, с конца 1799 г. въ Берлин,

публики и шире во ладу съ цензурного, не зарроти,
 вад полицики. Онъ приглашавъ къ учасзю Тика,
 но Зоуъ отказался. Однако нужно еще было прии,
 кшухъ въ какомъ-нибудь литературному лагерю. Въ
 это время доживавъ въ Берлине множики ослѣдки,
 ный, но множики еще сзрашавъ самый горячій пред,
 срашавъ къ немецкаго простыщенія, книгопродавецъ
 и кризисъ Николай, продолжавшій дунаръ, что онъ
 озраея въреть традициальнъ Лессинга. Это демеельвья
 дала или Сорото, и онъ давалъ работу множики
 дедькаль молодиль, ~~идея~~ берлинскій мифрафо,
 ровъ. Но Тика онъ уже давно образиль вышависъ,
 какъ на молодого келовтаса, податоизавъ большій
 надеиди. Онъ поручиль ему предпріиже, казарое
 Музеумовъ (1735-1737), оджилъ изъ поучилривиль
 писателей простыщенія, и оставленное въ поелкид,
 ние время: передтлывавъ сзаривъ французскій повъ,
 ези на немецкіе права и издавалъ иль недобильмики
 демеельвни книжиками подъ обизити заглавильнъ, Китиъ,
французаррифран 7. Думиль издавилъ Николай отелавъ за,
 втотиль дивиль зога въ году ромавиль еи привидитильнъ,
 раздильтисиками и пр., дильсрвобавильнъ дилько на вообразиль,
 ние. Тики охорно вздиль за эту работу; сперва онъ
 дильсрвобильнъ передтлывавъ французскій повъези, а
 похориль ералъ сочиниль съобильнъ, еще болтъе похра,
 дильниль публикитъ; прирозидильнъ ему сзрашавиль
 къ францаехильнъ онъ читиль прикирихъ (полосильнъ,
 кильо выкитильнъ образиль) еи простраузилънъ
 дильсрвильнъ Николай. Между дильнъ вышиль въ свиль
 его болтъе крутильнъ, уже упоминальнъ, произвильнъ:

1) Мехорин сфраузовильнъ персьвиль.

нравъ барварска. Фрабула романа Жакова: Вильгельм
 Ловель — богатый англичанинъ: умилъ ели не ет сугра,
 едго, до ет цетя холмъ; отъ вымбилелъ, но оуецъ не по,
 зволдеуъ ену менителъ, пока она въ путешесвѣи
 не ознакомилелъ ет сизизмо. Ловель пѣдуъ въ Паризмъ,
 тамъ попадаелъ въ руки одной коксужки, козорая зма,
 Кошиуъ его ет миромъ чувственнмъ наслажденій.
 Ловель увлесаелъ ими и изъ энтузиза преобразелъ
 въ эстетическаго энтузиста. Изъ Паризма отъ пѣдуъ
 въ Римъ, гдѣ уне не довоиселелъ продамисими жем,
 ризинами, а изелъ наслажденія въ разбраценіи не,
 римскихъ дѣвушекъ. Но и эго ену надождаелъ; отъ го,
 мизелъ пресненіемъ и однообразіемъ жизни. Не
 находя ни въ кельи успокоенія, отъ наммаелъ вприуъ
 въ пудесное, еходилелъ ет сарскимъ волшебникомъ, ко,
 горый выдаелъ себя за великаго чародѣя, оуришаелъ
 оуъ всякаго пондѣя о правдѣ и чеери и дѣлаелъ без,
 поворожно пресупникомъ; пресудивимелъ и пресуплен,
 ній.ви, отъ зомилелъ оуъ дѣлуъ проживоположимыхъ
 ефраелъ: прарганій (жизни и ефраа переди смертсго,
 пока его узнаелуо картеру не заканчиваелъ насиль,
 еветно радеветнимъ одной обезнеченной имъ дѣвуш,
 ки. Рѣдомъ ет Ловелемъ дѣиселелъ друиъ его юноери
 Галдери, человекъ нравственнмъ, но не умѣющій
 найди въ жизни никакой цѣли; никакаго смысла,
 отъ конлаелъ еумасиселъ. Делъ въ романѣ и
 еласливый человекъ, но отъ еласливъ золько козо,
 му, что не пределъ оуъ жизни никого, кроми саммхъ
 низкихъ наслажденій: гадъ и ета.

Разочарованноелъ въ жизни пресиде самой жизни,

невольные въ разумномъ узды, калагасной на насъ
 общесудьбы, и особенно сурьмяные икаръ дѣйствіи,
 заманого (не сриллеверски-пошлаго) снарѣя гдѣ-то
 замъ, за предѣлами обведенной дѣйствительности,
 въ области замисленика — воля иккозорна характер,
 мѣтъ чертъ новой школы, довольно опредѣленного
 высунувши въ эпохѣ романти, между утѣхи какъ
 въ „срацовойхъ перьяхъ“ и позоны въ пещорин Пещра
 Леберелза выдвигался санрименраментый чокоръ, обра-
 зившился у Шика въ экстремескую иронію романтики,
 ковы. Ваккерродеръ образилъ вышканіе Шика на
 сарой сказки и повѣсти, распроурандвншился среди
 кнѣжескаго народа посредувоны любостаннахъ изданій,
 познакомившился съ книж. Шикъ пришелъ въ убогані-
 денію, что въ эпохѣ „грубыхъ вулоръ“ больше нехит-
 мой поэзіи и даже больше нехитрой мудрости, не-
 тели въ многильхъ непремлавленныихъ произведе-
 нійхъ французской и кнѣжеской мифы. Шикъ пере-
 далъ въ ивскольско факильхъ сказокъ и издалъ ильхъ въ
 въ 1797 г. подѣ заглавіемъ: „Volksmärchen von Peter
 Leberelze“ („Народная сказки Пещра Леберелза“, Бер-
 линъ, Николаи 1797 г.). Книга нашла много восзор-
 менныихъ изданий, козорельхъ особенно правилея
 Меленхъ французески-узнаснаго, охозно привво-
 снльнй жуда Шиконъ. Хоздъ же неказалъ съиць Нико-
 лаи, продолжавшии просвотуицескую дѣятельность
 оуца, Шикъ изъ замлоицельной сказки о Шимсдобор-
 геральхъ (городъ дураковъ) позволилъ себѣ сдѣлать рѣш-
 кую сажирну прозивъ „просвотуицельхъ“: оны издѣлваея
 надѣ ильхъ сурьмянелии сдѣлаха изъ сценъ лазароха

и орудие для исправления пороковъ целоблагосудва и вообще надъ нѣмъ гуманизарныя пониманіемъ подзѣи, осмысливаея нѣмъ педагогическую и потилую мораль, нѣмъ негераникую второзертикоуея, въ козорого они пре, слтадовали беджуро религио, какъ суетваріе.

Въ доиы ене сборники явилмес две драмы Тика, гоие переработанная нѣмъ сказоки: „Ritter Plauhaft“ [Рыцарь, Симвя Борода, 17962.] и „Der gestiefelte Kater, ein Findelkindchen in 3 Akten, mit Zwischenspielen, Prologe und Epiloge“ [„Котъ въ сапогахъ“, 17971.]; первая пред, справидея неудачную по самой заданкѣ своей попытку соединитъ психологическій анализъ съ фантастиче, скимъ содержаниемъ; вторая же — имела очень оууро, чиную сауру на вкусъ тогдашней берлинской пуб, лики и въ общемъ — одно нѣмъ самыхъ характерныхъ произведеній зарождающейся школы, козороя рожко тла прозивъ беджуре пинзике и общепринятые законы поэзи.

Пьеса написанная не на сценѣ, а въ маркетъ; за, навное еще ступень. Неколько зрителей нѣмъ пер, выея ридовъ онезоро драматъ авзора: какъ она сказыа заниматя нѣмъ вниманіе лучной сказкой, въ козорой не будея никакой добродетельной семейной морали и нѣмъ козорой нелзя будея извлече никакой морали. Авзоръ, чельхавъ эти драки, выхлдитъ на сцену и за, тмцаея, нападая на извращенный вкусъ публики и на ея любимцевъ Коцебу и Морлауда. Затымъ на, чинаея самая пьеса, кодь козорой прерываея за, мочаніями зрителей и пререканіями актеровъ, ко, гоие одно время доходячи до оузраго буца. —

Имъ издаея надъ рыцарскими романами Штиса, Крамера и др., прилжжательнъ къ Разбойничьей Штиса и „Тезу ср. Бор, мхиллету Тезе.

Томско съ издакнѣмъ „народныхъ сказокъ Петра Лебе-
дѣва“ Шикъ пришелъ въ соприкосновеніе съ ро-
мануизмомъ.

Еще раньше Шикъ обнаруживалъ свое званіе и еще
окрестеннаго обнаружилъ прозвѣвъ просвѣтителемъ въ
песняхъ „Die weltliche Welt“ („Свѣтъ на-измакъ“, 1797)
и „Prinz Zerkino“ обаянъ въ Вагнеръ нунъ самъ гитлиъ Jefferson
(„Принцъ Цардино нунъ нунъсѣвѣ за нежановѣ-
вкусомъ“, 1796-98). Тераи послѣдней виднѣтъ открыва-
себя во всемъ, что услышавъ голму, пошлостъ
и безвкусіе; оны отправилеся на поиски издѣлканаго
вкусца и, наконецъ, наиднѣтъ его въ оубранъ перинной
поззи; галнъ царевнуоуъ Тѣре, Шекспиръ, Сервантеса
и Дантъ.

(-Свѣтъ)
Въ пѣснѣ „миръ“ (на-измакъ) есѣтъ мнѣду прочимъ
закавъ сцена: когда Скарамучѣ пѣдеъ на своемъ ослѣ
черезъ лѣсъ, напимаеся буря. „Оубуда эво, горръ возбилъ!
Въ моеи роли нѣтъ ни слова о бурѣ. Что за шумъ
мурки? Да я всемоу съ моимъ ослѣмъ, какъ мѣшь!
машинеръ! машинеръ! да порежанебѣ, гмодъ ваекъ
горръ вздѣлъ!“ машинеръ явилеся съ извѣстнѣмъ:
публика позмелала гразрабной бурѣ, и оны угрождаея
въ вѣсу. Скарамучѣ управиваея публику оубѣ,
миръ распорядиеніе, но напраено: гроза все про-
должаеся. „Ого дѣлаея оеиъ проево“, ценочива-
ея машинеръ Скарамуча, „я беру колофоніи и
пускаю его на огонь, возъ вама и молниа; мнѣду
губѣмъ казаноуъ шемъзныиъ шаръ — возъ и громиъ“.
Далше, — замкнаея бредѣеъ, — нелозѣ всеиъ тры съ
мнѣзиеиъ.

Сарикъ Николай отказался написать „Миръ на-изнанку“ и написалъ Тиху письмо, полное угро-
 ковы. Николай-сынъ, нарушивши въ 1799г. мифра,
 зуровое иноканцо Тиха, козорий до сихъ поръ не
 подписывалъ своихъ произведеній, долгиего были все
 процесы съ своимъ президентомъ соудникомъ и про-
 игралъ его; съ зуритъ поръ Тиха окончательо и на-
 всегда разошелся съ „просвѣдителями“. Знакомство
 съ „Донъ-Кихотами“, козорий она перевела въ 1799г.,
 усилито въ нѣльхъ сурасъ въ проиѣ, продвигшея
 во всей силѣ ^{въ} того тѣстѣ, „Примѣръ Цербиво или поиски
 за хорошими вкусомъ“. Въ зромъ произведеніи Тиха
 возедалъ прожить помлодей и срильсерахова въ муче,
 рауръ и продолжалъ зро въ своихъ полемическихъ
 драматъ во вкусъ Ариехофана („Коръ въ саголабѣ“,
 „Миръ на-изнанку“).

Заглавъ въ 1798г. Тиха издалъ художественный
 романъ „Frantz Steinvalds Wandlungen“ („Сурасевова,
 нѣ Франца Штерибальда“). Насколько Тиха, какъ въра,
 снаеся Тилма, были, вакепродезированы, ясно видно
 изъ зтого романа („Frantz Steinvalds Wandlungen, eine
 abentheuerliche Geschichte. Berl. 1797“), козорий ^{наглавъ} отъ обраба,
 ваке вилежа съ Вакепродероми. Хотя на кантъ рока,
 на нелъвъ не видога вилѣтій Вилгельма Мейсера, ден,
 денциѣ его далека оуъ Тѣзе. Трой - ученикъ Альбрехта
 Дюрера; черезъ него отъ знакомжея съ голландскими
 символсцами, но недовольный прохсаефективна искуе,
 евоми оуправляеся искае свой идеалъ въ казанне,
 скую Цалито, гдѣ и находилъ и художественное
 удовлетвореніе и личное снаеся. „Сурасевиѣ фр. Штерибальда“
 долганъ были всеи ученика Альбрехта Дюрера въ Тилма образно.

Таковыми образом Берлинская Тиска через новую
 эсезику доходить до восславления казачества и
 средних вѣковъ. Въ этомъ романѣ прихотливый
 казаческій языкъ является въ рязской формѣ.
 Эрозъ генициозивъ и плодъ ванисонивъ (особен,
 но во второй часъ) романъ произвелъ на Тѣзѣ очень
 неблагопріятное впечатлѣніе; но за-то молодой
 и смѣливый кружокъ фр. Шлегель былъ отъ него въ
 восторгѣ; онъ забылъ, что посмѣ Вильгельма Мей,
 вчера не знаешь болѣе совершеннаго произведенія
 въ этомъ родѣ; что вдумчиво съ Вильгельма Ловелла,
 иронія Паула Леберехта, богатая французія парадничья
 сказочка, весь драгоценный перлъ галамиза явзора Фран.
 за Штернбалда соединились теперь въ одно цѣлое. Эрозъ
 восторженная сарка еблизила Тиска съ Шлегель,
 ми и послужила однимъ изъ поводовъ для образова-
 нія особаго кружка).

(Весь этотъ взглядъ фр. Шлегель, высказанный галамизу,
 либо, энергично и смѣло, были манною небесною для
 Тиска, козортъ до снѣхъ поръ ездилъ особнякомъ съ своего
 протиса и парадничьяго, съ своимъ смѣшениемъ
 шпанаго и народнаго, драмки, сказки и повеллы. Тиска
 и фр. Шлегель возродились и познакомились въ редак-
 ции „Литер“, но сближенія между ними не произо-
 шло, какъ какъ у нихъ было слишкомъ мало общаго:
 Тиска не хотѣлъ и знать Грековъ, козортъ все еще
 восхлещался фр. Шлегель, и ничего не понималъ въ фа-
 мосорин драмѣ; они могли бы сойтись на Шекспиръ,
 но фр. Шлегель болѣе говорилъ о немъ, чѣмъ читалъ
 его. Но когда въ 1797. въ Берлинѣ приехалъ Августъ

1) особенно языкъ обѣ ироніи.

и, ради оралигии к образованию — Шлейермахера побудили Тика взбурь за религиоз-
ную драму, и они привидел за передатку пьесы одного живописца Мюллера: „Мозг
и смерть св. Теннован“ или, по французскому произношению, Меневева — жемчю одного
графа, оклеветанной вассалом, напрасно добивавшейся яд любви, и изгнанной своими
родными, которую они поочередно возбавили при любозной книге на ру она улеу и обрадо-

831

Шлегель, пивший много обзаго с Тиком и давои
уже хваивший его, несуду подзави и брат Ями-кри-
жиками усановилас прочна сльз. Тиком, оба Шле,
гелд и Шлейермахер много раз собирались вить сго,
сочилас вь своих основилась воззраидель, поуб.
сзобави себя искомой и рьтими основах свой ор,
гавь (кь этому времени Флен Шиллера гавько что
прекразились). После насли 1792. выходящя первой
мумерь сурнала Шлегелей: „Атенаи“, вь прогредь,
кь позорног завлемо, что они будещя поклонившас
занимашас немеществом и наукой (характерное совна.
дене сь прогредной Флен Шиллера), что они нагваренко
высказывашас охробоенно и смало. Шиллеры очен
негодобави на органе Шлегелей; Тере, превозносимый
вь Аунето, относилас кь нему благосклонно.

Вь 1792. вышли, Романический сурлозворенид
Тика, вь первой часи позорна похвощена павя
„Цербано“, а во второй — гредид „Музы и смерть
св. Теннован“ („Laban und das weiße Fräulein von
Weiss“), пощазави вь Германии мушмива зворевилас
Тика? Вше полное совмощаеца вь себе все элемент.
зои и фортис романцистика его драма „Император Окта-
виана“ („Kaiser Octavianus“, 1801-2). Вь „Францоски“ („Fran-
kisch“, 1812-16), напоминающель намеру Боккаччио,
подзе, го вь сфилась, го вь прозе, передеца рядь сказате,
целасидавимиль досуги обизавели фредабнели зашквои
качови: „Козуре сына Айнона“ („Zufahrt von San Raimond,
Vindobona“), „Козуря любви прекрасной Мелелона“ („Das
Wörmlein Magellone“) и графа Педра Прованскаго „Melusine“
(„Meluzina“), „Вталокурой Экарте“, „Руненберг“, „Бокань“;

Завь по своей
отлаеца подра,
маж Калдери,
ту. Вь этом
пункте гонка
романцистика
интока вперви
подаеца руну и
среднотьковой
интерес, и рели-
гиозной испанской
драмат, о которой
го гавь кьрй ма,
ло кр и сль,
сави вь Тери,
ни. Тере, которо-
му Тиком про-
гавь свою псе-
су, относилас кь
какь кь набоу,
францискистиком
барки Коррунго,
мощави блещущи,
но ишениль бед,
каго драматического
адипеца. Кривика
нашего времени не
видица вь ней ма,
ни, не видица
драмат, а рядь ма,
рически сцен,
доис не видица
исхренней рели-
гиозности, а рож-
ко сфреление
кь ней; но поди,
кь того времени
она поправилас
и вызвала не
мало подра,
знатий.

Это — архироманцистика драма (составлена на основани извещной
народной книги зою не назавил), вь которой совельна кьрй драматид, а
завько длинний рядь трико-францискистиком коменго вь роду зои
часи драмат.

„Фрей“, „Второй Эккарт“ („Габриэль Эккарт“) Мисс
рнка фр. Антверпенского познание искусства („Ulrich
 v. Lichtenstein's Fremdenbuch“), „Magus и кончина Малевс-
 кой красной шапочки“) и з. н. 1. Во 1812 г. ввелся и его
 „Ulrich v. Lichtenstein's Fremdenbuch“ (познание ^{Служение} ~~знания~~
знания, Мюббинген 1812 г.).

То же, как и Окта, Французского драмой во 2-й части и 10-й дтой.
 Виань, на основании сфидель, „Фортуна“ („Fortuna“, 1815-16) Тиска просил,
 народной книги, но св с романтической поэзией и, вельдв за зельв, двил,
 сь сь рядовъ повтсеей, совершенно освобожденности
 сь мезуко-романтической зумана, какова между
 прочими: „Dichtersleben“ (Мизис поэза - малокасея на Шек,
 стира), „Zwölf des Dichters“ (Смерть поэза - Камозна-Самосил),
 „Ein Spruchbuch auf dem Lande“ (Общесрво вь деревне), „Ein
 Zungen-Schwert“ (Младави вьрабви), „Die Gemälde“ (Карти,
 ке), „Musicalische Lusten und Trauren“ (Музыкальскыя
 сьрадани и радоези), „Der 15. November“ (Познадзавое
 повтсрей), „Der Labant Ueberflus“ (Узодикле мизис) и др.
 з) Дрозь оурабковъ ро. Континансубо зуть повтсеей оуликсезей вьсокими
 Мама обшцаль ксь. что оуенъ хорошее но
 замъ и оурабв вь видъ доуоуисубави.
 оурабвкв.

Во 1817 г. Тиска издалъ два тома „Сьарара амелин-
 ского зьазра“ („Altkunigliches Theater“) - плоды добросовестного
 изучения Мексипира и зьазра, ену предмисрвовавшого, а
 снужь кьсколькв оуаь - родъ мезорического романа сь
 изобразительнъ общесрвеной сьредв, вь козорой развс.
 вальс ренин Мексипира. Наконецъ, Тиска ^{за} кончилъ
 переводъ Мексипира, названъ „Мисселелв“. Во 1820 г. вьшелъ
 вь сьторъ его романа „Der Krieg in den Seveiten“ („Возсдв,
 ние вь Севенинахъ“), вь 1822 г. издалъ два тома крв,
 зумескитъ сьазей („Dramatische Klüft“), вь 1826 г. - вьт.

В центаль зього рода сказокъ бьвль грохадной.

4) „Драмаурисскыя мезки“ Тиска зьазраиснъ рецензи (1823-1827 годовы),
 вьзникшия вь Дрезденъ и вь зьиской сьвази сь зьакошней сьезской, бьвль
 сьравниваемы сь Тальбуурской Драмауриссией Лессинга, но на дьвалът)

указываючь зелькв
 на поверхность
 тригдлвбосея нль
 авюра, его помята,
 зельсубо на Мексипи,
 рь, и его вьрабвд,
 нось вь Лессин,
 зь и Шиллеру.

Иммануила Штайншток, *Früh auf im das alten Reich* (осветл,
ценная и лукаво волшебная ночь, пылкая и окая кубево,
гудной сказочный мир, воздемы во своем сгарома
великолупии!).

Никохорке Блионатие родервенмилеи Шика
безрочнамы гоме во облаке пльмичкой муррачурн.
Эго гоме, Дорожд Шика, (укармад во 18412. во дрездене),
перавела месе кесе Шикенира; его сесур, София (Соф50)
Шика (1775-1833) учасувовала во периодический из,
данидель своего браха, первого мума (Вотвард) и Реедор.
фра; она издава драматический франгази (Dramatische
Phantasien; Vol. 1804), обрадова „Flora und Blanche,
flori“ (замь ме, 1822) и оставила посмертный ромама
„Stromont“ (Берлин 1836 изд), даюци мабуо карцину
о несчастный подаль Пруссии 1806-13 22. — Август Фрер,
дипломат Бернгаард (1770-1828), здр Шика, первый
мума София, озликий, охрочный криуике, но без
зворгеской силе, здр милье склонноур к звор,
гезву.

Вильгельм Генрих Ваккенродер (Wackenroder) 1773-1798.
родил в Берлине; ^{в 1772.} отец был сын довольно ваи,
мало чиновника, который хотья во что бы то ни стало
сдильде из него юриста, тогда какь отец был рои,
даже судомникома. Любовь к искусству сблидила
его с Шиком, а знаменитый нескходова во харак,
фераль тель закратили тель дружбу. Шика был яко,
та энергичный, действительный; Ваккенродер — мягкий,
мечтезвеного пльмичный; у Шика преобладава франца,
зид, у Ваккенродера — гонкое срезическое кубе и куб,
орво гармоний. По окончани курса во гимназии озець

Ваккенродера назвали, что считать его недозаботою со-
 зреть для университета и протереть его полтора
 года дома; все это время молодой человек вырабо-
 тывал свои убеждения и выражал их во пись-
 мах къ Штику. Они привели къ убеждению, что
 въ жизни есть только одно хорошее — искусство;
 одно оно дает намъ на земле небесное наслажде-
 ние; одно художественное творчество приближаетъ
 человека къ Богу. Наконецъ оцень оуправилъ
 Ваккенродера въ Эрлангенскій университетъ.
 Тамъ они, какъ уже знаешь, работали вместе съ
 Штикомъ. Друзья вместе изучали поэзію Гёрмана,
 брали по Кювельбергу, изучая во огню средніе века,
 осматривали рыцарскіе замки и т. д. На слѣдующій
 семестръ они переехали въ Гейзлингенскій уни-
 верситетъ. Въ 1794 г. Ваккенродера вместе съ Шти-
 комъ вернулись въ Берлинъ. Тамъ Ваккенродеръ,
 по пріимилу дружбы съ Штикомъ и искренно
 радовавшійся его устоявшимся, вызвалъ тоже творчество,
 хоть, но неудачно, какъ они сами оулично вѣдали. Тогда
 они поняли, что его было не самостоятельное творче-
 ство, а кризиса; они стали набрасывать для себя свои
 философскіе положенія и мысли объ искусствѣ. Штикъ,
 похорошу они показали свои замѣтки во время ихъ
 совместнаго путешествія въ Дрезденъ, привели оу-
 нить въ восторгъ: то, что они больше чувствовали,
 чѣмъ сознавали, что неведено, какъ бы въ туманѣ,
 косилось въ умъ его, нашло у Ваккенродера полное,
 прекрасное, всякою доуручное изъясненіе. Это были
 принципы новой философіи, совершенно несогласной

св. Духом и классиков и Винкельмана. Одно из
 основных положений Ваккенродера состояло в
 том, что для прекрасного не нужны никакие правила;
 его надо не понимать, а чувствовать. Для судознания,
 как быришь и создаешь значить одно и то же; роль
 вкуса возможна даже безумное одушевление, необходимое
 для творчества; творчество лучше скептицизма. Старое
 искусство: средневековое и особенно искусство эпохи
 Возрождения безусловно выше нынешнего, гонимого,
 циничного. Искусство искусства — Изаид (правда, остро-
 умно замечает, что Изаид Ваккенродера и другие
 романтические так же мало походят на насущную
 родину Рафаэля, как и здорового чувствования, как
 и особенно красочность, как и дуэцимент Дюк-Кихо,
 да на свой оригиналь); автору, как и итальянцу, еще
 дороги старая Германия; тогда жить в одно время
 с Любкегольмом Дюрером, от которого бы отложено
 выходы цивилизации.

Эта книга была издана в 1797 г. с предисловием
 и так называемыми прибавками Шликера под названием:
 „Geistesgeschichte der Kunst im 18ten Jahrhundert“,
 „История сердца молодого искусства мо-
 наха“. В следующем 1798 г. Ваккенродер умер
 от первой горькости, как референтарий верховного
 суда. В его бумагах Шликер нашел продолжение
 замыслов, в которых основные идеи уже все сказано,
 но еще больше подчеркивает связь изумленного искус-
 ства с религиозными воодушевлениями. Шликер уда-
 лся под названием: „Phantasien über die Kunst“ („Фан-
 тазия об искусстве“, 1799 г.).¹⁾ Наконец Шликер был

¹⁾ Орывки переведены в „Моск. Телеграф“ 1820 г.

„как как подобраны“ ясно видно из его романа: „Сравнительная Французская Штернбалда“, который от начал, как мы знаем, обрабатывать вместе с Вагнером и Гердером. ✕

Как мы уже сообщено, после мая 1792. выходяще первый номер ^{журнала} Шлегелей (Аthenäum) и уже с №: 2 ^{370. №} в журнале появилось новое литературное имя, сразу обратившее на себя внимание оригиналь, поехло своим „фрагментами“. Это Ковалиш, псевдоним Гартенберга. Имя „Ковалиш“ пришло по одному месту, но смелу.

1772—1801. Фридрих Леопольд Фрэнс-Гартенберг (Hardenberg-
Novalis, предельно близкий во многом любовное
сходство с поэтическим гением Лессинга) род. в
1772. в Вилдербурге (Wildesb.) — в том же родстве,
в графстве Мансфельд. Его отец был управл.
полицейским ^{саксонский} / соловаришным заводским). Уже
рано хворала мать; его воспитала благочестивая
мать. Мальчик рано начал учить латинскому и
негрин у своего дяди в Локкуна вблизи Браун-
швейга и в Дилебенге; скоро он привязался
к этому. Семейный низкий с одной стороны
и религиозное направление, побуждая в воздухе
того времени, с другой — обусловили его дальнейшее,
такое дальнейшее. Кончивши курс в Дилебенской
гимназии, он поехтиль 18 мая в Зенский уни-
верситет, по желанию отца — на юридический факультет,
где, но забывался читать, что было больше стужа по духу,
т.е. философией и негрин. Как раз в то время
профессорствовал Миллер; Гартенберг познакомился
с семьей, из которой произошло его, господствующее направление
было поэтическое.

ех мысли и всецело подчинилея его влѣдѣнію. Вос-
 торженіемъ закона скизана Шиллера идеаломъ чело-
 века, находимъ въ немъ прекрасное въ соединеніи съ
 невинностію и добротой. Шиллера, на себѣ испытавшій,
 каково пробивается въ жизни духъ университетскаго ди-
 плома, поспѣховала ему познервннѣе заняться юрис-
 пруденціей, что хоть и исполнилъ, перейдя въ Лейп-
 цигскій университетъ, гдѣ, впрочемъ, началъ съ фр. Шле-
 големъ. Видерманъ въ Вуртембергъ въ 1794 г. свой кри-
 тическій экзаменъ, отъ отправился на много въ неболь-
 шой городъ Теммсфедеръ (Temmsfeld), недалеко отъ Вейс-
 сенфельса, и, хотя не возбуждала никакого расположе-
 нія къ юриспруденціи, очень усердно и аккуратно
 исполняла свои служебныя обязанности. Позомъ отъ-
 шла въ Вейсенфельс. Въ 1795 г. Тарденбергъ вѣнъ,
 будучи со всею пылотою своею идеальной натурой въ 12-
 лѣтняго дравожку Софійа франц. Кюгера, поразивширо
 вѣсть своего дравожеского прелесухи и развѣтливъ чини-
 вскоръ отъ была объявлено ей штихотомъ. Въ слѣдствіи,
 пожелавъ году Софійа заболѣла, выздоровѣла, но позо-
 мъ заболѣла снова гораздо опаснѣе. Показавшоеся ея
 ей операцио, ради которой ее перевезли въ на вѣсковско
 мѣсяцевъ въ Дону. Тарденбергъ пригласилъ руда, какъ
 зомско мѣся чини, и возили какъ ^{подолгу} подолгу. Онъ обитъ,
 жилъ съ фр. Шлегелемъ, а герцъ него, позначомился
 съ Фрибге, философія котораго ^{огонь} ублекла его. Мы не
 мѣжду прочимъ, вѣвель отъ заключеніе, что Софійа не
 должила чини, какъ какъ мѣръ и обходительства
 должила подчиняться челоуку. Мѣжду прочимъ Софійа не
 поправлялась, ее перевезли въ деревню, гдѣ она жила

до этого поря, и она медленно угасала; женихъ по-
ти не разсуждалъ съ ней. Она оупраздновала 15-го
годовщину своего рожденья и черезъ два дня скончалась.
Барденберги, какъ они сами говорили, ухоровавши себя
въ попоместии шрока, козорый все похранили на карку;
возь зенеръ зра каржа удиза; шротъ озворачиваеудъ ора
срота, унесшаго его спясе и смлу, и съ горского наемтши,
кого считаеудъ голоеъ сророзиа, возвыщающаго начало
новаго днд. Онъ вернулся къ низизму обоего ддухва
и возненавидѣлъ разудмъ, козорыми руководствовался
до снль поря. Ктасозорое время онъ надѣлся чмчерезъ
силото своей воли, позоудъ готовилея къ самоудйеуду;
мало-по-малу онъ спалъ ченочковарсся на зварссува.

Въ 1798 г. Барденбергъ, по соблазу оуца, оуправилея въ Фрей-
бургъ, тоудъ заидрся замъ горновымъ — есесуденнымъ
наукамъ, знаочеудъ съ козорыми было ему надо,
днмо днд его смудеи по снлдякнмъ прокъснмъ.

Въ 1799 г. Барденбергъ, уже знаидельно ченочковилея,
послъ сморзи невтоудеи и дасне ченочковилея поимодуръ
друду дтвудмку, въ козорой онъ, впрочеи, видѣлмъ какъ
бу возродене Софн, ^{и возручилея въ Фрейбургъ, позоудъ онъ} безрразудея въ Демъ съ Шикомъ,
и они боудро сошмъ и едрушмшея. Тамъ некаль,
каль бу замънмъ Ваккеуродера; Барденбергъ, давнмъ

некаль человѣка, козорому онъ пои бу оударсся всего
х) какъ уже сказано, въ Фрейбурге онъ оуручилъ.
бу второй разъ; но думало (Фр. Шлегель буиъ ему днд для него смнмкомъ суды
свадба була оумоудена по слдато болмзтн и разсудочеи). Въ томъ же году Барденбергъ буиъ
мнмла. Перетмъ вь солднмнмъ ассесоромъ (билмнм оудудм) и въ 1800 г.
мчмрсея въ Дрезденъ, оудмрнмъ началмкомъ въ Вейсенфелсеи Пшо,
мудсудея, то млдмшм раннеудекаго уудда, гдѣ и чмчеръ еуде въ марчѣ 1801 г.,
оудо судые мпоразудло не досмвмш до своей свадбы и не досудмудъ зрудсара мудд.
его до замка оумемн
то съ ртмъ иоръ онъ
чуне бу разу не губ.
оудовалъ себя дуро.
буиъ и чмчеръ рудо.

Удудъ надъ руководеудомъ Вернера

До появления во свету, Вильгельма Мендлера, Тарденберга считали первыми современными поэтами Шмидлера; но это эвangelie романтиков сделало его са. как бы гордым поклонником Тёра. Тарденберг-Ковальев писал еще во время студентства стихи для, возвышенные и пылкие, но миметиче сержной мысли. Когда же умерла его невеста, то горе сделало его мерким, как поэт. Свирная романтика доставала тактику и шриком мало прочного. Лучшее наследие от Ковальева, которое он писал в детстве, "Туман на ночи" (Foggen in der Nacht) на похвалу своей невесты: они звучат из глубины, безформенные, но мелодические, в прозе, которая наполняется Оссиана в "Врадавиды Вергера" Тёра. Это духовный текст (Geistliche Dichtung) в, росли на почве герриггерского благочестия, под влиянием трагедии Шлегель-Кохера о религии: благородное выражение любви к Христу, не простое подражание, как у Теллермана, но насыщение двуконной стери в полноту в обилье, без определенного отоводания, до каголизированное, до совершенного штиное; Теравский герриг, в Христианском смысле развития, где отчасти не свдиченному дань свдичен, ный оборот - а отчасти слышны озлобленности идей, которые свдичивают его с Павлом Теравским (из, ^{духовных} воспоминаний мюллеровских герригских шриков, опубликованных в 1607-1676 гг.); но форма его сурова и ред. бы, но закон и глупость, в балладах сжидала, как писал в стихах Пандара молодой Тёра или как Франкль гово. рил Трезлетт о Всеобщем штице, в Вездершхельт.

"Туман на ночи" Ковальева, слышит прозу с сжидалами, —
 1) Это стихотворение, напр., песня рудокопа (Bergmannslied); Das ist der Geist
des Gottes, der ihn schenkt, geistliche (крюговат) песня (Waldlied): auf einem Berg
im Gebirge des Gott, der uns den Geist schenkt; Духовная песня, напр., Waldlied
im Gebirge, wenn wir nicht mehr sind; Ванн Вилла интерпретация, publiziert im Jahr
1807.

исполнително одна из самвиъ замѣтательнѣе про-
изведеній этой эпохи и наиболѣе оригинальное и
глубокомысленное созданіе перваго романтическаго. По-
эту представляеть друмиа воставаетъ солнце и дневной
свѣтъ; себѣ беретъ жѣлу пощину, во время господства
которой душа чужезвучь себѣ освобождаетъ отъ земныхъ
узы; с-перва, котораго преобразуетъ и напоминаетъ поэт,
внушаетъ ему не умиася, а сладкое, оградное чужество:
зольско по ту сторону гроба челоука пощину каужи
исчуженное, полное счастье. „Титани“ Ковалиса оукраиваетъ
собого динный рядъ романтически произведеній, пре-
возносящихъ загробную жизнь сравнительно съ насто-
ящей.

Въ 1797 г. случилось политическое событіе, имѣвшее
не маловажное вліяніе на развитіе романтической
школы: умеръ великодушный подданныи король
пруссій Фридрихъ Вильгельмъ II, и на престолъ всту-
пилъ велики внушавший симпатію Фридрихъ Виль-
гельмъ III съ своею добродушею женою Луизою. Ро-
мантики, до этого поръ пренебрегавшіе политикою и
современностью, въ эту оградную минуту задумали
быть руководителями общества и въ эту оукраиваніи.
Въ берлинскій Вильгельмъ Ав. Шлегель потыщавъ
свои краиво оукраивающіи оукраивы, восхвалявшій коро-
леву и герцу, а Ковалиса — свои „Фрагменты“ (Fragmente),
въ котораго проводилъ теорію патриархальной и поэт-
ической монархіи, какъ лучшей формы правленія,
которая основана на вѣрѣ въ идеальнаго челоука;
а эта вѣра необходима для счастья общества.

Защита резервированіи наукъ и искусствъ не

склонили Ковалюса къ материализму; напротивъ: его идеализмъ обверднелъ все болѣе и болѣе.

Въ повѣствовательномъ фрагментѣ: „Самские ученики“ („Die Lehrlinge d. d. Sais“) и другихъ, ему современнѣе, онъ высказываетъ убѣжденіе, что Эмпиризмъ есть зольско низшая ступень человѣческаго познанія. Поочередно переходя къ болѣе идеалстому познанію, человѣкъ долженъ дойти до „математическаго идеализма“, который преобразуетъ все, и въ вещи и вещи въ мысли; тогда духъ безусловно властвуетъ надъ филозофомъ, и человекъ не зольско пересекаетъ борется болѣзнями и смертью, но въ той и другой видѣ особѣ видъ спасенія. Двое грѣшь, какъ болѣзнь духа, есть особѣ видъ блаженства; грѣшь возбуждаетъ любовь къ божеству: „гнѣвъ грѣшника“ человекъ, гнѣвъ религиозныя очи. Поочередно Ковалюса доводитъ до такого квіетизма, что, по выраженію Брандеса, онъ уже умирившись изсидитъ корни изъ рукъ и ногъ, чтобы образиться въ расеніе.

Подъ вліяніемъ Шика Ковалюса критиковалъ (въ 1799г.) за самое крупное свое произведеніе, за романъ: „Heinrich von Offendingen“ („Триумфъ фронтъ. Оффердингена“). Въ этомъ романѣ Ковалюса ухаживалъ въ средніе вѣка и выбралъ героемъ мнимкаго поэта Heinrich von Offendingen. Основную тему дополнили были даръ у Шика шивонисъ, у Шленера нидеяское искусство, у Ковалюса поэзія, какъ для зна, нидеяской части, „Вильгельма кейзера“ законъ земной смъ, шиль гларъ.

Имя героя (Heinr. v. Offendingen) и отчасти обезановка взяты изъ преданій родной саринки, а именно изъ м., ринеской поэмы „Вардбургская война“, изъ которой

прославились между прочим Германом Тюрингенским и
 гений Вольфганга фон-Димбарта, а содержание — со-
 едизание поэтов, будто бы происходившее в Вару,
 буржуа в 1206-7 годах. Теймрихъ ф. Ордердингена
 поехал похвалу Леопольду Австрийскому, а Шрейнберга
 и Вольфганга — Германию; къ двумъ последнимъ при-
 соединился свой гонецъ и Вальтеръ ф. д. Фрогельвейде.
 Подосиденный Ордердингена призываетъ на помощь
 полу-богатыря, полу-поэта Климзора¹⁾; Климзору,
 предсказывая кинской мудрости, задаетъ Вольфгангу
 мудрый загадки, козорый убогъ благополучно разгадана,
 едъ. Въ мудростивитъ прогавъ ученого Климзора автора
 безсознательно воспроизвелъ падение итальянской империи
 — именно кейсерзингеровъ. — Задача романа Ковалиса,
 романа, разсказанного на 2 части, но озаглавившаяся
 на 1-й, въ козорой герой зорско еще готовится къ по-
 пулесскому поприщу, — предсказываетъ апокалипсу поэзии.
 Климонъ къ уразумению основной мысли даетъ сама
 авторъ въ аллегорической сказке, козорая вложена
 въ уста Климзору: во время оцужения Эроса и Фран-
 цазин, тисецъ (предсказываетъ сурого разума, знающа про-
 стоиеня) захватыва въ свою власть король Артура.
 Подзид, донс Артура, спаслась, укротила царство
 зпа, козорое оказалось беземельно прозубъ неа, и осво-
 бодила оца; во заключение Эросъ женился на Поззии,
 и зода, *Daheim ist ihr das Reich das Frankreich,
 Im Lieb' mit Freuden undigt sie das Reich,
 Wohin sie Komt das Lande Trüben das Verlangen,
 Dort ist einig Freuden im das Glück!*
 (Основывается царство восточное.

1) В. Карлсбауер Вольфганга поминаетъ Климзорог.

Любовью и широким размахом своей мысли;
 Мечтали долгий грезой сражений;

София (богословственная мудрость) на точки охватывает триугольное сердце.

Т.е. поэзия должна освободиться от уз, которыми сковали ее сухая наука и разум, и тогда наступит царство мира, золотой век.

План романа Захаров: Теймрий ^{ср.} Ордердингену увидать во сне голубой цветочек, созерцание которого наполнило его сердце смирением в даль. Такой цветочек видать когда-то в юности его отца, но отцу не суждено оубескитаться, а обзавелся женой, детьми и стался обыкновенным, пошлым человеком. Но сын не хочет помириться на филистерском сля, едим и оуправляедем срамешвоваем. Поемь множество приключений и аллегорических вертеть (мечты и миски преобразуют философов, горцы — естественных выражений и т.д.) отцу притомается по Волшебнику — поэту Кимм, зорю, и во его дочери Махмуде находим своего сына, нуно, при свидании с которой сердце его наполнилось радостью и небесного радости, как при созерцании во сне голубого цветочка. Теймрий надеется на полное счастье на земле, но Махмуда зовется. Во срамном отпадении, герой покидает дом Кимм, зора, попадает в монашеский шубель мерзвцов и в течение время шубель обещает ей милую оузию. Во спасает от смерти замком Мисе, который по слани ему Махмудой для его временного утешения.

Во II части Теймрий догнута всеми обиды Крайно, Фрецино, Воевожа, дайшвоваем при дворе Фридриха II, вообще представляем из себя идеаль поэта. Но голубой

прославила иезуитскую Германа Шюрингенского и
 гений Вольфганга фон-Дименбаха, а содержание — со-
 едязание поэтов, будто бы происходившее в Вару,
 бурге в 1206-7 годах. Тейхерихе фр. Ордердиингена
 поех похвалу Леопольду Австрийскому, а Шрейнберга
 и Вольфганга — Германи; кь двумя поелодними при,
 соединяех свой гомоех. и Вальгерт фр. д. Фрогельвейде.
 Подосиденный Ордердиингена призываех на помощь
 полу-волшебника, полу-поэта Климгзора; Климгзорь,
 предсавиает книжной мудрости, задаех Вольфгангу
 мудрый загадки, козорь гурь благополучно разгрома,
 едъ. Въ мудрѣишнѣи речеахъ уменого Климгзора автора
 безсознательно воспроизвели наделение немецкой лирики
 — поелно кейсерзингерова. — Задача романа Ковалиса,
 романа, разсказанного на 2 части, но основывающего
 на 1-й, въ козорь герой готско еще готовиет въ поэ,
 гитескою поприцу, — предсавиает апоэозу поэзия.
 Книжнѣ кь уразумѣннѣи основной мысли даех сама
 авторѣ въ аллегорической сказкѣ, козорь влосиена
 въ чеа Климгзору: въ время оуцуживѣи Эроса и Фран-
 фазин, писецъ (предсавиает сурого разума, Эноди про-
 свѣщеннѣи) захвативше въ свою власть короля Артура.
 Поэзия, дот Артура, спасла, умиротомила царехво
 зпа, козорь okazaелось баземнѣи прозвѣи кѣа, и осво-
 бодила оуца; въ заключение Эросъ жениет на Поэзии,
 и готда, *Daumintet ist das Reich das Freyheit,
 Ja Lieb' mit Freuden andigt sich das Recht;
 Worabes Komt das Lunge Fortum das Vermauen;
 Gornie ist unsig Freyheitum das Freyheit!*
 (Основываехъ царехво вѣткое.

У Вѣ. Карцебанга Вольфганга поминаехъ Климгзорь.

изобразить она находила только по ту сторону гроба,
где Мариямма и Фрэнс сивагодей въ одно лицо.

Этому роману судядено было одолжиться новыми еван-
гелиями романтическими, впрочем Вилгельма Мейстера,
казавшагося иль же генерс слишкомъ реальными, и по-
ложивъ розушку грань между началомъ школы, когда
она совпадала въ основномъ своимъ принципомъ
съ Тэге и Шиллеромъ, и ея дальнейшимъ развѣтыванъ,
когда она окотогательно разожмалась съ великими поэтами.

Книга Шлейермахера "Речи о религии къ образован-
нымъ" для Новалиса была поощрительнымъ оуброве-
ниемъ; она намала въ ней религию сердца, къ которой
уже давно сфренился. Подъ влѣяніемъ Шлейермахера
онъ написалъ о значеніи Хрисціанства сущаго, на-
срочно розушко, что ее не привидли даже въ Вреки.
Въ ней находилась же аподеоза католицизма и сред-
нихъ вѣковъ, которая приведена въ зоръ мечтатель,
что въ его врендъ максималезъ возрожденіе нехитной
вторы. Только новая втора будетъ додекатрихъ средне-
вѣковой, духовенство будетъ просвѣщеніе и соедин-
итъ розушко, подвизе наукой, съ религиозной
медициной. Этому перевороту въ мирѣ призванъ совер-
шить Германія, гдѣ религиозное губево еще закъ крѣп-
ко въ народѣ. После него насратель золотое врендъ,
чуждое, чужеземное, чуждающее бедную илннну
скорбь. Кроме Этой мечтательно-розкой сущаго, книга
Шлейермахера ввдохновила Новалиса къ поискамъ
(наибъ уже упомянутымъ) ованъ удачлива религи,
означивъ сфидозвореніемъ.

Два брата младшіе Новалиса захотѣли извѣстны

и о коророй тѣхъ будетъ еще вполнѣ врендъ.

как поэты романтической школы, Карль-Торльд-Андреас фон-Тарденберг (1776-1813) и Георг-Ан, Готтв. фон-Тарденберг (1773-1825); первый, последний в казачестве в 1802 г., извещен под псевдонимом, Монн Розенберг (Rostorf), которого мы уже раньше кое-где, последний — под псевдонимом Сильверберг (Silberberg).

Поэты одновременно с образцовыми произведениями поэзии, с романом „Темпринг“ Фридрих фон-Фридрихсен, романтики получили из своей среды и основы религии, разумный, от эдикта своего божества Шлей, ермачера. Фридрих Эрнест-Даниэль Шлейермахер 1768-1834. (Шлейермахер) родился в 1768 г. в Бреслави в семье, где религиозно была наследственно. Его предки были протестанты, божавшие из Захидурга; его дядя был евангелист, страдавший и от преследований, и от недоброжелательства своего; его отец принадлежал к войску, дарованной церкви и был полковником евангелической; его мать была дочь евангелиста, очень религиозная женщина. В детстве переходил к протестантству отца, Фридрих Д. Шлейермахер довольно поздно поступил в школу, но быстро догнал и перегнал своих товарищей. Религиозные вопросы и сомнения мучили его с раннего детства; эти сомнения скоро привели его к скептицизму, очень рано, в зрелом возрасте. Наука, сперва в виде классиков, которых он перечитывал для добровольного удовольствия, позвали в те времена, протестантская догма эта некогда успокоение. Учился в германской семинарии в Варде (Ward), 19 месяцев получил в университет

въ Талле (въ 1787г.), занимался усиленно, какъ своими
 предлежащими, такъ и философскими, но боже сподобилъ.
 Черезъ два года онъ оставилъ университетъ и поселился
 у дяди, чтобы готовиться къ экзамену, но увлекался тамъ,
 темъ; въ это время ему больше вѣдали театральнаго кра,
 вѣдѣя скандзика Лукьяна и Монденъ, котораго онъ на-
 зывалъ своимъ близкимъ. Религія въ это время казалась
 ему некачественною сѣвѣстью прекрасною, но безсмертною,
 ноу дуки и софистическою догматикой, безвторіе, озеру,
 суріе идеаловъ гасно приводили его къ мысли о смерти.
 Въ законѣ насрощеніи не собственнѣ удобно готовился
 къ экзамену на кандидата богословія; однако Шлейер-
 махеръ пригласилъ его, выдержавъ его въ Берлинѣ и съ
 большинствомъ залатозомъ прочелъ узаконенную проно-
 вѣдѣ. Ему доухавили много приуездѣ въ огенъ хорошей и
 гудманной сѣвѣ грасовѣ Дома. Тогда, проведенный
 нѣтъ въ деревнѣ Дома, радикально измѣнилъ его: до
 сѣихъ поръ онъ собственнѣ не зналъ жизни; теперь
 впервые онъ убилъ въ хорошей сѣвѣ: поидѣлъ,
 какое значеніе можетъ имѣть въ одицеуво маицины,
 которыми онъ зналъ зольско по наслышкѣ, поидѣлъ,
 какое наслажденіе можетъ доставить для удовольствіа
 мозга общезво развитіе людей. Тогда видѣлилъ даже
 свѣтлаго взгляда на жизнь у него пробудилось и рели-
 гіозное чувствѣ, и его праздничныя проповѣди, проузко-
 сѣвъ которыми онъ согласился зольско изъ молодости,
 сѣамъ доставлялъ ему высокое наслажденіе: въ нѣтъ онъ
 барабозалъ въ себѣ убѣжденіе, что христіанство сѣвъ
 лучшая нѣтъ религія, такъ какъ въ основѣ его самаѣ
 негравъ правезвенное, основанная на разумѣ. Духо

правосудности и могъ отъ се увлеченіемъ проповѣда-
вать съ церковной кафедры. Получивъ въ 1796г. место въ
Берлинѣ, отъ за свой талантъ и славу неумолимо былъ
очень хорошо принятъ въ кругу соловатовъ. Эта же
слава неумолимо, какъ уже знаешь, сблизила его съ фр.
Шлегелемъ. Въ 1802г. Шлегельнахъ былъ придворнымъ
священникомъ въ Сполдингъ, съ 1805-7 — университетскимъ
проповѣдникомъ и профессоромъ богословія въ Галле,
въ 1809г. — ~~священникомъ~~ пасторомъ французской церкви и ^{сисоро}викариемъ
послѣ того профессоромъ богословія въ Берлинѣ, въ
1811г. избранъ членомъ академіи, развивалъ большую
дѣятельность съ ^{иде}цѣлью осмилненія національнаго чув-
ства, а умаръ уже въ 1834г. ✕

Шлегельнахъ, оутопившійся къ продукцямъ своей
мысли въ высшей степени зредобавельно, въ прозисно,
могущее своею другу фр. Шлегелью, козорій сцифалъ
досройтиселье печалю все го, что производила его пера,
доксалская голова, продолжалъ елго враніа нисего не
счадалю, кроитъ обзвательные проповѣди, въ Январѣ
1799г. отъ выстала въ на итаколько мѣсяцехъ изъ Бер-
лина въ Похдалю для временнаго исполненія должи,
коери проповѣдника; возбразившисъ оуудю, отъ привелъ
своего знаменитую книгу: „Reisen ins die Religionen in die
Weltstaaten unter dem Namen der Welt“ (Вои о религии къ
образованиселью мелиду ея презиражалю).

Форма книги елго романтическая: судьбокруивная
сильея поэзи съ разсудителіемъ. Авзоръ очень много гово-
ритъ о себѣ; самъ заявляетъ, что его книгу хорошо
понимаютъ только зорко зоры, кто знаеть его лично,
что отъ лучшей комменчарій на своего книгу. Отъ

рассказываешь о своемъ собственномъ отношеши къ рели-
 гии: она была всегда религозна, даме и зюда, когда пере-
 ставалъ выпустъ въ свѣтъ божие и безсмертне души. Забылъ
 она начинаеть посылнику съ „просвѣщеніемъ“ XVIII вѣка,
 для него, „образованіе“ (Bildung) и „просвѣщеніе“ (Auf-
 klärung) — два совершенно различныя понятія. „Про-
 свѣщеніе“, нѣчто такое зюлько въ виду матеріальнаго пошъ,
 ду человека, ведетъ къ полному умиротворенію религии,
 з.е. къ видѣнію высшаго блага души. Такому „просвѣ-
 щенію“ авторы прозиву полагають „образованіе“, которое
 досугаеть не одной наукой и уваженіемъ къ ишней,
 а одновременнымъ развитіемъ всего способностей
 человека: души и сердца, воображенія, зворческой
 фантазии и вкуса. Образованный человекъ презираеть
 узимитарное знаніе, а ишеть интересами науки
 озвлекенной и интересами искусства; но тогда быть
 вполне человекомъ ему необходима сознательная
 религия. Религозное чужество совершенно независимо
 охъ разума; тогда пошито его, нуоко отказывая
 охъ пошлой ишри нѣтлеспособности. Религия чужа
 какакой не ишеть, ее до снѣ торъ пошили, при-
 нѣшывая къ ней нѣрафизическу и мораль, которая по
 существу совершенно чужда ей. Область религии ехъ за
 душевную (фамилію).¹ Фамилія ехъ ехъ ишней духа къ

¹ Задумчивость не вполне верно передаеть понятие, выраженное
 нѣмецкимъ словомъ familt, но въ русск. языкѣ не ишавши дрзого
 болѣе подходящаго слова, familt, о которомъ ехъ много зюльоватъ
 ишечно въ эпоху романзизма, до извѣстной степени даме прозивано,
 пошеть задумчивости; она все вышнее сводитъ вышъ, въ область
 духа; это ехъ центростремительная сила духа, зюда како задумчивая
 ишеть и задумчивое слово, какъ развѣ зюто, выходяръ изъ глубины
 души въ шрь. Романзизма болѣе правилей Гете, ишъ нѣкій
 Шиллеръ, и въ особенннхъ В. Гюгерь ишечно пошому, то въ нѣль
 развитъ зюль familt: герой не ехъко ишеть и дѣйствують, сколько на,
 блюдаеть и чужеструеть; ехъ нѣкого взгляда видко, то духъ пошра ишеть въ
 созданіи романа ишравннн болѣшую роль, ишъ дѣйствують;
 ишечннн шрь охъдетъ въ шрь передъ вышфраннымъ.

Божественному, созерцание вселенной во всемъ ея объ-
 емѣ, а не въ частностяхъ, которыхъ изучаетъ наука. Это
 созерцание есть нечто пассивное, но на немъ основа,
 на акробатичъ гурьба, каковы эмпирич. мудрѣ, любовь,
 благодарность, состраданіе, раскаяніе. Эти гурьба живутъ
 во всемъ думатъ, за исключеніемъ задумчивыхъ. Созрѣ-
 даніе, напр., не разумно и не прохитно, а между темъ
 оно обязаательно для человека; его изготавляетъ въ ре-
 лигиозномъ гурьбѣ, въ созерцаніи вселенной. Такое
 созерцание возможно и безъ предубавленія о личномъ
 Боге. Богъ Христіанскій, очеловчеченный гурь гурько
 одно нурь воззрѣній на вселенную, изжитное гурь
 раго человека. Все гурь изжитно религиозно, гурь свѣдѣ-
 ній св. писаніе, а гурь, гурь не нурьдааетъ въ немъ,
 гурь можемъ нурь своей думи создавить свое св. писаніе.

Богословы признали книгу Шлейермахера почти
 апостолскою; они наводили, что это гурько остроумная
 апологія пантеизма и блесущее, общепонятное изло-
 жение ученія Спинозы. Гурь и Шмиллеръ оумеліе къ
 ней холодно. Шмиллеръ замѣтилъ, что въ ней, какъ и во
 всемъ произведеніяхъ новой школы, болше презен-
 зій, менше существеннаго.

Богъ Шлейермахера имѣли сильное вліяніе какъ
 на Тика, такъ и на Ковалиса. Шлейермахеръ подыма
 кредитъ французской школы въ глазахъ образован-
 ныхъ людей Германіи, все еще импералистич., но оубер-
 нившихся оубь ужасовъ революціи и безвѣрія. Шлейер-
 махеръ замѣресовался и Кларонтичъ и превелъ все
 сочиненія этого великаго философа на нѣмецкіи языкъ.
 Шлейермахеръ былъ великій гурь, болшой орагоръ, доцентъ,

богословы, философы, филологи, юристы и переводчики.

О правах природы романтики разговаривали до сего поры сь шумного голоса; наконецъ, нашелся сибьный умъ въ иль парзю, у котораго любовь къ природе легла въ основу сзройной философской сиезельи, разъ унахелье Шеллинга. X

1775-1854 Фридрихъ Вилгельмъ Фридрихъ (Фонъ) Шеллинъ (Kiel, King), младшій сынъ романтиковъ, родился въ 1775г. въ Мюнхенѣ Вюртембергскаго князѣ; онъ былъ сыномъ профессора, чловѣка оцѣнъ чистаго и хорошаго педагога. Пробывъ всего полтора года въ гимназию, Шеллинъ 15^{ти} лѣтъ поступилъ въ Тюбингенск. на богословскій факультетъ, поэтъ онъ училъ въ Лейпцигѣ и Вена. Профессора были убеждены, что сынъ дароватаго юности вѣдѣть сзвать цѣркви, но онъ рано сжалъ изтъндитъ иль, увлекшисъ Кантомъ. Италъ не любилъ его формалистского спеціальностю оказавалася геологид. 17^{ти} лѣтъ оръ роду онъ представилъ магистерскую диссертацію о поэти, сынъ которой видно, какое огромное влдіаніе иль на него чине въ это время Гюдери. 20^{ти} лѣтъ онъ закончилъ свои богословскіи заидрід докторской диссертаціей: о Маркіонитѣ, издавалъ писель ап. Павла. После этого онъ сжалъ оунахелье философскую сиезелью, которая удо, влѣхворила бы его.

Онъ нашель законую въ идеализмѣ Фрильге, но за, думалъ обосноваъ его, образивъ оръ метафизиски на болше конкретные предметы, и создалъ философію природы, философію исторіи и философію искусства. Онъ былъ иль донашнндо училель, надѣлель потъ, харт во Францію, но елу поитнала война. Посе,

физиком; Ав. Шлегель только теперь осмыслила замечая
 Тире естественными науками, замечая, который до Фридриха
 поря ему казался капризом великого ума. С другой
 стороны и Шеллинга поднимала романтически: она
 стала изобразить Давида и на зрелище селесурь (в'о Зенге)
 объявила курс по философии некусерва. В основу
 его были положены жизнь, впервые высказанный Шелл,
 мером и часо повздоритель романтически (без указа,
 нид на авзора, которого они не любили), что Зерфвический
человек есть совершеннейший человек. В некусерва
 Шеллинга видела ходилево безозначательного и соуса,
 зельного; гений есть правда, дыйсвудизая свободно, от
 зого и происходирь его удовлетворенное и спокойн
 ное величие, красота, но его определенно, есть безко
 нежное, выразительное в'о форите конечного. В'о зрели
 те курсов она делье, нилье прокидуде до него, опреде
 милье значение мидологии, как посредствующего
члена между наукой и поэзией.

(Как уже раньше сказано, на самой границе нового
 столетия курс не был крупный змезвонкой селль Тер
 манн сосредоточилась в Вайнаре и Зенге. Тире и Шел
 лерк могли естественво видать Фридриха, Шеллинга, обонде
 Шлегелей ея нилье давали; Шлейермахерк и Тисск
 были ея Зеной в'о непрерывных сношениях). В'о
 романтически усердно работали и продуцировали. Но
 совмещенное мирсе в'о одном городе членов роман
 тической школы, как это часто бываея, нисколько не
 способствовало закреплению нилье связи друг с другом,
 а напротив производило столкновения, которые могли
 бы окончиться распадением партия, елиде нилье не спло,

жили въ одно цѣлое и въ многочисленное брати. Роман-
тики поглядѣли наконецъ единственнѣйшій популярнѣйшій оф-
ганъ (Архивъ шельмъ плохъ), въ козоровѣ они находили
себѣ приютокъ: Альдегейне Zeitung, напавшая въ нѣмъ
относится двусмысленно посылъ похвалена Люцинда,
напечатавъ хвалебный отзывъ роману Николаю „Довѣ,
речивѣя шельма оу Ардельгейды в. къ яя подружка Нили
М.“, козоровъ пародировалъ „фрагменты“ романчиковъ
и Люцинду. Фр. Шлегель жестоко ополчился за это на
редакцію, и романчики сжали воеваръ брошюрами и
пародиями; остроты нѣкозоровѣ иуъ нѣтъ и звер-
доерь, съ козорого романчики охотились свои прии,
цины, раздумьяхъ, способствовали популярнаго по,
сладина, но несравненно болѣе значеніе въ него-
рин школы и вощице литературы италъ публицистиче-
скіи лекціи, читаннѣй Авг. Шлегель въ Берлинѣ.

Старшій Шлегель, какъ знаеме, уже 3 года просилъ,
сорежовалъ въ Денъ съ порядочнѣе чинахъ, въ 1801г.
отъ обидѣнъ, что въ зимній семестрѣ лекціи чинахъ
не будутъ, перетѣкали въ Берлинъ и открыва публи-
кнй курсъ, въ козоровѣ связали въ одно цѣлое и при-
вели въ стройную систему все го, что фрагментарно
и часто неясно было въразнаемо его братомъ и другими
членами школы. Лекціи носили общіе заглавіе: Объ
издѣицеи литературы и искусства; изложение нѣтъ было
презвычайно просо, свободно оу великой риторики
и вполне общедоступно. Главная задача нѣтъ, Денъ
съ первой же лекціи, — извергнуть сразу ^{теорію} ~~теорію~~ ис-
кусства и на нѣтъ яя воздвигнуть повую, философ-
скую, съ козорою связана и изорид. Мехорин Шлегель при,

даешь такое значение, как никуда до него: исфорид, то его словами, есть насродичая философид человека, сува, как философия есть вышренидид исфорид одного галовька. Определити романзику, как прозивоположи поет классифику, — прозивоположискоет, одновременно и историческо, и георезиско, она переходит къ изло. меню судьбы эефизики и ед. основити принципотъ съ зомк зрания Шеллинга! Въ томъ же вводномъ курсъ лекторъ даетъ удачныя определения оудетискоетъ ис. куефь и высказываетъ поживированнотъ симпази и анжипази романзику.

Со второго курса (всего ихъ 3) начинается обзоръ исфорид поэзи, главнотъ образотъ камезко. Самая плодотворная идея, которую она проводитъ здаетъ съ боет, того послетоварискоетъ, есть идея националскоет вообще и, какъ сказать, народной гордоеди ит.лицевъ. Со. временного новоего въ его лекцидидъ было искуето, ринво и съ знанити дила созавлениотъ обозрениотъ наиболте характернотъ пачидизикотъ средневаковой птамецкой поэзи. Досказотко сказать, что именно его лекцидиди о Иуделунгадид молодой чинотиско фотт. деръ. Талетовъ были побудителъ къ тому, чтобъ оставилъ службу и оударся изучениотъ средневаковой птамецкой старинотъ.

Лекцидид Авт. Шмолетъ были какъ бы генералскити и хорошо обдуманными сраженити, въ которотъ ред, макузи не летали одержать ривизиско подбоду, но надотдилитъ развернуть свои силы и удеротатъ за со. бото поле битвы. Эти надеждиди оправдали: даже бер. митская публика, болшискоетъ которой все еще жито

и въ его определениотъ прекраснотъ отъ дтлаетъ характернотъ прибавку: прекраснотъ есть символискоет изображение Бизконет. того въ конечнотъ.

идеями, просвещеней, заинтересовалась новой школой и привлекла многие изъ ее взгляды; среди молодежи эти взгляды нашли себѣ много даровитыхъ и гордыхъ приверженцевъ.

Послѣ зрѣло лекцій кружка основателей школы видимо распадается: Ковалевъ уѣзжаетъ; Авт. Шлегель, уже разошедшійся съ женой, уѣзжаетъ съ М. те. Галь путешествовать за границу; Фр. Шлегель, послѣ недолгого пребывания въ Дрезденѣ, въезжаетъ съ Дорожей и отправляется въ Польшу, гдѣ началъ усиленно заниматься санскритомъ. Шикъ, другъ Ковалева Вагнеръ также же рано, какъ Ковалевъ уѣзжаетъ, Шикъ послѣ доклада съораторъ уѣзжаетъ въ Италию и въ Ватиканѣ началъ изучать старинную итальянскую литературу. Фрише и Шеллингъ ознакомились съ литературной борьбой и занимаемся своего спеціальнаго, по сути, Шлейермахеръ заинтересовался Платономъ. (на литературное поприще выстуаетъ второе поколѣние романистовъ). Правда, основатели школы разошлись по лицу Европы, но разошлись не какъ, какъ воины разбитой арміи, а какъ миссіонеры, глубоко върующіе въ истину своей проповѣди.

Мы видѣли, что романисты, люди по природѣ свободомыслящіе и революціонеры въ области мысли, въ политикѣ почти все ознакомились полнѣйшей безцѣльностью, такъ какъ по принципу относились равнодушно къ обиденной гонимости и политической оппозиціи. Шикъ когда-то соучествовалъ франц. узкой революціи, но, сознавъ важность своей истинно-духовной миссіи, забылъ объ ней и думаетъ, если въ его писаніи встрѣтятся выходы прозывъ просвѣта,

иений, до не позоуму, что это просвѣщеніе породило
у насъ Геррора, а позоуму, что оно слишкомъ пре,
вознесло разумъ и стремилось подавить чувствъ и фран.
газію.

Пока война была на границахъ и даже за грани,
цями Германіи, а слабый правительсства поеладней
подозрительство смозрѣли на бѣгавъ мислдицильшъ людей,
какъ на зайныхъ Якобинцевъ, такое отношеніе къ по,
лизистъ со стороны молодильшъ лихеразоровъ было впол,
нѣ возможно и поидно. Но скоро одержательсства
измѣнились. 1806 годъ былъ самымъ несчастливъ
годомъ для Пруссіи и всей сѣверной Германіи: она
была покорена французамъ. Нѣмецкіе театры вѣдѣ
закрываются, и многіе выражаютъ сраиль, что черезъ 100
лѣтъ въ этой сранѣ не будетъ слышно нѣмецкой речи.
Это вызвало изъяснй рядъ реформъ и возбудило заснувшее
патріотическое чувство нѣмцевъ; поэты и ученые забыли
свои германскіе расирн; романистики уже не могли
осраваться на высочъ своихъ идеальныхъ сурейлений
и срали во главѣ этого движенія и черезъ то пріобрѣли
бесобидея сочувствіе. Уже весной 1806 года Авт. Шлегель
требовалъ отъ друзей такой поэзіи, которая въ эту эпоху,
мѣднн поднимала бы духъ народа. Шлегель дока,
заваярь, что поэтическое искусство должно быть непрерывн,
но народно. Фрибзе, до змѣль поръ преследуемой пра,
вительсства, былъ вызванъ въ Берлинъ; его Речи къ
нѣмецкой націи ("Reden an die deutsche Nation") 1808 г.
возбудили срашное воодушевленіе въ молодежи; въ
нѣтъ отъ убѣжденіе мислицилей спускутся съ неба на
землю и въ проникновеніи патріотическомъ видуца

паначею. Съ законъ еще Эмрліей дѣйствовало онъ и во время войны за освобожденіе и палъ ея смертью, за разившимся въ госпитальъ горничной (27 Янв. 1814 г.) (Фр. Шлегель, уже въ 1803 г. правившій въ Кельмъ, вѣнскѣ со своей тачкою, католицизмъ, въ 1808 г. погубилъ изомъ своими парижскими работами въ книгѣ "О азбука и мудрости Шидусовъ", перешахъ въ Вѣну, гдѣ охар. тій его братъ гираль охарактеризованный въ книгѣ М. те Сзалъ публичной лекціи о драмѣ. Онъ пріими, палъ дѣйствительное участіе въ войнѣ 1809 г. въ качествѣ секретаря главной квартерны; содѣйствовалъ въ борьбѣ съ Наполеономъ, издавая пылкія прокламаціи, которыхъ должны бы были одушевлять весь еселовіа, и въ томъ же духѣ редактировалъ Архивскую газету:

„Es ist nicht Zeit und Welt umsonst,

Ich, Antiklerik, zu wachen („Да Судьба мое сердце и лодъ кровь посвященны спасенію оземьства.“) восклицалъ онъ въ это время, какъ мы уже слышали.)

Неудача австрійской войны снова возбуждала Фр. Шлегель къ учено-литературной дѣятельности; онъ гираль въ Вѣнѣ публичной лекціи, которыхъ позволю издавать подъ загла. Вѣдм. О новейшей незоріи (1811 г.) и Мезорія древней и новой литературы. Второе изъ этихъ произведеній особенно важно: оно перебивалось много разъ, переведено на все Языки и поименъ спускался первой, хотя и далекой отъ совершенства въ многіхъ оуточненіяхъ и испорченкой фенденціозности, но все же представляло оеородной по, пазкою набросалъ незорію всеобщей литературы.¹⁾

Въ незоріи въ предисловіи самъ признаетъ, что въ его незоріи смикомъ много философи; но это вѣнскія въ его предисловіи о литературе, какъ о совокупности умственной жизни народа. Насколько смикомъ для того времени его критическіе взгляды, можно судить по той же славѣ поэта Гюгера (въ мѣсто его зворичево онъ не вѣришь) безконечно выше всякаго историческаго эпоса, онъ не возусловно всеобщаеетъ мѣсто; но мудрости, онъ думаетъ: нѣтъ превослѣдствъ эпохи створной, а по тѣмъ оуточненіямъ — возгорный, но греческій эпосъ шикеръ гражданное приему, мезево по лемосеи ума и вѣнскій рабство.

Скоро д-р Шлегель подпалъ вліянію Мехзерриха и едн. лаясь крайніми пессимизмомъ. Онъ исполнялъ разнообраз. ный дипломатическій порученія, дѣйствовалъ какъ публицистъ и продолжалъ съ усиліемъ своего усико-либеральнаго дѣя. Зельнось: читалъ лекціи по философіи души, по филосо. фии негорим; но все это онъ дѣлалъ уже не ради идеи од. щественной пользы, а ради швейцарскія выгоды; бывшій аскетъ обратился въ эпикурейца; бывшій проповѣдникъ свободы — въ поклонника средняго вѣкова и поэма га, сифель просвѣщенія.

М-р. Шлегель во время долгобременнаго сношеній съ М-те Свалъ сильно подумалъ вліянію этой высоко. заманчивой шенцинки, и, можетъ быть, вѣлродствіе этого никогда не доходяго обскурантизма, какъ младшій братъ. После уже упомянутыхъ лекцій «о драматическомъ искусствѣ и литературѣ», онъ писалъ много сфабл, въ которыхъ много зворесца, но еще по. разительное искусство верификаціи. Въ 1813 г. онъ прикомандировался къ шведской шзадъ-квартирѣ и сочинялъ по-французски и по-нѣмецки проклама. ціи и лекціи лекціи на повоцѣ дѣлу освободителъ.

Молодиль Шликъ болѣе дружить основателей школы осудалъ вѣрелью принципъ равнодушія къ политикѣ и не принималъ непосредственнаго участія въ вѣлм., какъ дѣлать освободителъ Германіи. Онъ будо лишился своей продуктивной силы, писалъ очень мало, а потому сильно пухдался въ денсаль; кромѣ того онъ сурдался ревматизмомъ. Въ слѣдствіе, онъ наемилъ себя приобщен. ные въ семействѣ графовъ Фринкенштейновъ, въ имѣніи кодо. ровѣ близъ Бранкфурга на Одартѣ и проживалъ болѣе

гасея времени. Они ознакомились публике с поэмой о короле
Возроде. После удивительных ввронки Талки погубежовало
себя лучше. Продолжав в Францию и в Англию, она выехала
с графини Фринкенштейн переехала в 1812 в Дрезденск
где скоро собрал около себя кружок и начал работать
с южной почтой энергией.

В это время творчество его измѣнилось и сформировался
герц: выходя сказок и притч он пишея психологиче-
ския повеллы, который по сравнению с претимиши его
произведениями могут быть названы реальными: содер-
жаніе болшею частью ить вздыто изъ общественной действитель-
ности, французскаго, сдержаннаго въ тиль почти
ничего нать; характера действительности ить предсказатель-
ная крайности, который в жизни безрочнаго гравы,
чаще радно, но который за то с поразительной яркостью
выражает идею автора: если напр. онъ изображаетъ мило-
душна влюбленныя супруги, которые живутъ насладитель-
ныи, не думая о будущности, онъ доводитъ ить мало-по-
малу философію до такой крайности, что они сами,
како въ мечт. своего содѣрженноу истинноу, сообразующую
иъ с миромъ (см. "Мудрость жизни" въ русск. переводѣ. Спек.
Зан. 1839 г. т. II.); если онъ подмечаетъ, что мучна иногда
вторично въ свою жизнь, онъ выводитъ передъ нами мучна
идеальной чуждости, который готовъ отдать голову на озея,
честіе за вѣчное слово, ить сказанное; скучность превра-
щается у него въ монашество и т. д. Хотя дидактическій
и пессимистическій элементъ и здѣсь иногда подавляюще
поэтический, въ общемъ таланту Талки вполне по плечу
такіе реально-французскія очерки, и повеллы его дрез-
денскаго періода суть наиболше совершенныя изъ его произ-

ведений; зовско въ нѣмъ его пресловуѣдъ психологиче,
 екадъ проиѣдъ дорабазывается до здраваго юмора. Между
 ними и сѣръ повѣсти историческѣ, преимущесрвенно
 нѣтъ симзми поэтовъ (Кальдерона — *Der Tod des Dichters* —
 Мексина и др.). Въ послѣднемъ своемъ крупномъ произ-
 веденіи: Викторіѣ Аккорамбони (1840 г.) оны сзараеда еще
 бѣтъ болѣе реализмъ, чѣмъ въ повѣстѣ. (Н. В. Кост)

Это въ вкратцѣ (сказано) о дальнѣйшей судьбѣ слова,
 желѣй романтическѣй школы. Именѣе скажемъ о рас-
 пространеніи нѣтъ идей между молодестью. На иждер-
 журное поприще выступаютъ второе поколѣніе романти-
 ковъ.

II. Младшая романтика. (Съ 1808 — 1820 г.) .

Въ зѣнаемое время угнетеніѣ Германіѣ на иждер-
 журное поприще выступаютъ цѣлый рядъ даровитѣль-
 нѣхъ поэтовъ и ученѣхъ, которые все гдѣ или инаке при-
 мыкають къ романтическѣй школѣ. По сзаро-пѣмецкѣй
 поэзи Фр. Шлегель далъ зовско легкѣй очеркъ. Въ горадо
 болѣе смѣлѣхъ одушевленіѣхъ и силой говорили оны зтомъ
 передъ берлинскѣй публикой Ав. Шлегель (зимою 1803-1804).
 Оны сравнивалъ повсѣмъ о Нидерландѣхъ съ Илиадою, какъ
 это уже дѣлалось въ кружкѣ Гюгера. Оны называлъ
 ее чудеснѣхъ произведеніѣхъ природы и возвышеннѣхъ
 произведеніѣхъ искусства, подобнаго королю никогда
 не повѣдалъ съ зомъ поръ въ пѣмецкѣй поэзи. Оны
 сами намѣревался издатъ ее вновь. Подобные планѣ
 инакъ гдѣже Шликъ. Но нѣтъ оубо предупредить
 въ 1807 г. Фридрихъ Теннѣхъ Фромъ-дери-Таленъ, слушав-
 шій лекціѣ Шлегеля, своимъ одушевленіѣхъ и разши-
 реніѣхъ изданіѣхъ, но которые позднѣе гдѣлихъ однако

Лангманнов. Зимой 1807-1808 года во образованный класс,
сама Берлина старопольская поэзия вошла в моду.

Во 1808 г. вокруг недолгого, недолговечного издания,
вышедшего в Тейденберге, Газеты для охотников
(Zeitung für Einsiedler), собралось новое младшее поко-
ление романтически настроенных и ученых, которые с
самого начала образовались главным образом к старой
и народной немецкой литературе: это были Алиша
Фронь, Ариана из Берлина, Фридрих Тиррест из Коблен-
ца, Клеменс Бренцано из Брауншвейга, Фридрих Тринклер
из Танау, Адольф Уланд из Пюббингена. Ариана,
издатель названной газеты, и Бренцано жили в то
время в Тейденберге, где Тиррест также преподавал
в университете, быстро расцветавшем при баденском
правлении, а другие принимали участие издали. Тей-
денберге, — говорил Тиррест, — и сама по себе велико-
душная романтика; вся округа была полна жизнью
и изобила домом, двором и все обиходное; замки
и леса рассказывали чудесную сказку старинны,
как будто в мире вовсе ничего не было.

Во главе младшей романтики обиходно
ставились два издания сборника народных песен:
Бренцано и Алиша Фронь-Ариана, на которых вид-
ны все прелесть и величие идей и вкуса охотников
на романтическую, одностороннюю своим учением
они довели до крайности и явились, как бы образцы,
романтиками самой чуждой воды.

1772-1842. Клеменс Бренцано (Вентано) родился в доме
своей бабушки, Розии де-Ларош, изобретательнице
из Виланда, в Манс-Фридрихсгейме у Рейна и

воспитывался во Франкфурте на Майне. Отец его был итальянец-художник, а мать Максимилиана де-ла-Рош, известная придворная Тезе (донс Софий). Отец предназначал его к торговле, но мальчик увлекался некий законное обращение и законное стремление к литературной деятельности, что ему было дано позволение поехать в университет. Он учился в Бонне, Марбурге, Лейпциге, Галле и Зенге (1797г.); затем (в Зенге) познакомился с основателями школы и сразу вошел к ним в философию, написал остроумную пародию на Коцебу. В 1805г. он переехал на известную писательницу Софий Меро (Mero), жившей в разводе с первым мужем. Хотя жена была старше его лет на 20 (по другим данным семидесятью) годами, но Френцано и она были ее гордо и долго не хоти утешиться, когда она умерла ^(в 1806г.) от родов. Реальную жизнь провел он в последние годы разгула, посещая города (какие-то: Дрезден, Марбург, Франкфурт на Майне, Тейделсберн, Кассель, Ландсгут, Вону, Берлина и т.д.), где проводил все что-либо новое в ученом или литературном отношении. Вскоре Френцано женился во второй раз (1810-11 гг.), чтобы развестись с своей женой и он уже начал вести бродячую жизнь. Война за независимость была в нем самым горячим пропагандистом; но по заключении мира, вернувшись к тихой жизни, к меланхолии и одиночеству, он в 1818г. удалился в дельменский монастырь (интересует за монахиню Анну Казарину Эльмериха, оставаясь там до ее смерти 1824г.), в котором имелось некоторое количество книг, было ему до какой степени, что он решил последовать

1) С 1800г. жил он попеременно в Дрездене, Марбурге, Франкфурте на Майне и т.д.